

Рудольф Бармин

ПРОЛЕГОМЕНИ РОССИЙСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Рудольф Бармин

**Пролегомены российской
катастрофы. Трилогия. Ч. I–II**

«У Никитских ворот»

2016

УДК 82-3
ББК 63.3(2)6-3

Бармин Р. Г.

Пролегомены российской катастрофы. Трилогия. Ч. I–II /
Р. Г. Бармин — «У Никитских ворот», 2016

ISBN 978-5-00095-268-9

В течение более чем семидесяти лет вожди СССР утверждали, что господствующий в стране строй был воплощением всепобеждающих идей марксизма-ленинизма. Публично сомневающихся в этом ждал расстрел, лагерь или психушка. Крушение коммунистического Левиафана дало возможность донести до общества истинные истоки октябрьского переворота 1917 года, а также изложить оригинальные взгляды на переломные пункты российской истории XX века. Об этом – предлагаемый опус.

УДК 82-3
ББК 63.3(2)6-3

ISBN 978-5-00095-268-9

© Бармин Р. Г., 2016
© У Никитских ворот, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I. Пролегомены октября 1917 г.	7
Эпоха Николая I	7
Эпоха Александра II	9
Эпоха Александра III	14
Эпоха Николая II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рудольф Бармин

Пролегомены российской катастрофы. Трилогия. Ч. I–II

© Бармин Р.Г., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

* * *

Любимым жене и детям посвящается

Вместо предисловия

Предлагаемая автором тема посвящена попытке ответить на вопросы: почему неорганичное, чужеродное для российской истории политическое течение почти сто лет назад одержало верх над всеми своими оппонентами? Каковы его истоки? Почему оно смогло в течение длительного времени быть господствующим в общественной жизни самодержавной России, сам дух которой, казалось бы, был смертелен для такой политической проказы, как социализм?! Почему вплоть до сегодняшнего дня это течение именуется освободительным, хотя с его торжеством на одной шестой части суши превалировали процессы противоположного характера?

В условиях большевистско-коммунистической диктатуры ответы на эти вопросы носили односторонний, субъективный характер, ибо гуманитарные науки были служанками господствующей идеологии, а любители истины подпадали под недремлющее око «искусствоведов в штатском». Чему в немалой степени способствовал и сам «гуманитарный» официоз.

Сегодня условия для поиска объективной истины стали более адекватны, что дает возможность наше предшествовавшее двухсотлетие препарировать аппаратом науки, а не идеологии. Забвение этого принципа было не последней причиной падения, казалось бы, вечно живого советского Мафусаила. Поэтому, чтобы не повторить ошибок большевистско-коммунистического агитпропа, необходима подлинная картина России вчерашней, что позволит нам строить ее более благоприятное настоящее и будущее.

Автор и пытался внести свою лепту в написание такой картины. Преуспел ли он в этом – судить читателю.

Часть I. Прологомены октября 1917 г.

Эпоха Николая I

Николай I оставил после себя тяжелое наследство – еще продолжалась Крымская война, истощающая людские ресурсы и сеющая всеобщее недовольство, подрывающая международный авторитет России. Всю первую половину XIX века (и вообще до Февральской революции 1917 года) романовская династия проводила международную политику, зачастую противоположную как ей самой, так и интересам России. Добровольно взятые на себя российской короной обязательства по Священному союзу во имя спасения изживших себя европейских монархий, спасение в 1849 году империи Габсбургов, отплативших черной неблагодарностью во время Крымской войны, тридцатилетняя Кавказская война основательно расшатала экономику и финансы страны. Отягощали общество и самые тяжелые гири – крепостническая система и самодержавие.

Яркую характеристику николаевского наследства дал наиболее вдумчивый и проницательный цензор XIX века А. В. Никитенко: «Администрация в хаосе, нравственное чувство подавлено, умственное развитие остановлено, беззаконие и воровство выросли до чудовищных размеров. Все это плод презрения к истине и слепой варварской веры в одну материальную силу... Воровство, поверхностность, ложь и беззаконие – наши главные общественные раны» (Никитенко А. В. Дневник в трех томах. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. Т. 1. С. 421, 431). Написано как про сегодняшний день! Разве общественные раны современного российского бытия – всеобщая продажность чиновничества, разгул преступности, коррупции, лжи и лицемерия, воровства и тому подобных цветов зла – не стали еще более зияющими?! Налицествует и еще более мерзкое явление – в николаевской России верхи Родиной не торговали, то есть в государственной измене уличены не были. Сегодня – это их хлеб насущный. Поневоле согласишься с Чаадаевым, чуть ли не двести лет назад высказавшим мысль о предназначении России быть неким отрицательным уроком для человечества.

С кончиной Николая I Никитенко ставит вердикт его эпохе: «Все царствование Николая I было ошибкой. 29 лет он восставал против мысли, но не погасил ее, а сделал оппозиционную правительству» (Никитенко... Т. 2. С. 67). Не менее резкой была характеристика Николая I, сделанная Тютчевым в 1855 году:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, –
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

*(Ф. И. Тютчев. Россия и Запад. Культурная революция.
Республика. М., 2007. С. 167.)*

Но если Никитенко, Тютчев и другие давали безжалостную оценку Николаю I втуне, то некоторые великие князья свой вердикт системе произносили вслух. Так, сын Николая I великий князь Константин Николаевич (1827–1892) в 1857 году писал князю А. И. Барятинскому: «...Мы и слабее, и беднее первостепенных держав и что при том беднее не только материальными способами, но и силами умственными, особенно в деле администрации» (Вострышев М. Августейшее семейство. М.: Олма-пресс, 2001. С. 8). В июне 1859 года он еще более откровенен: «Наше положение страшное. Нужны не полумеры – наши обыкновенные манеры, но

решительные меры» (указ. соч., с. 9). При Александре III великий князь Константин Николаевич впал в немилость, хотя мог внести определенную лепту в оздоровление общественного климата. Умных людей Александр III возле себя не терпел (Богданович А. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. С. 197).

П. А. Валуев в 1855 году Александру II о положении дел в России: «сверху блеск, снизу гниль» (Боханов А. Император Александр III. М.: Русское слово, 1998. С. 260). Не боялись царские сановники говорить царям правду в глаза, не чета советским или нынешним околовластным холуям – льстить и подмигивать кремлевским узурпаторам.

Справедливости ради надо отметить, что Николай I видел определенные изъяны унаследованной им общественной системы, в частности крепостного права, и пытался в определенной степени ослабить его тяжесть. В 1827 году был издан закон, по которому, если в имении на крестьянскую душу приходится менее 4,5 десятин земли, такое имение берется в казенное управление или предоставляется крепостным право перечисляться в свободные городские сословия. С 1835 года существовал тайный комитет по крестьянскому вопросу, издавший ряд законов, расшатывавших крепостное право. На основании закона 1841 года было запрещено продавать крестьян в розницу. Закон 1842 года «Об обязанных крестьянах» позволял помещикам на известных условиях уступать крестьянам свои земли в постоянное наследственное пользование. Законом 1843 года запрещалось приобретать крестьян безземельным дворянам. В 1844 году вышло два распоряжения о дворовых людях: помещик по обоюдному согласию мог отпускать дворовых на волю без земли или если имение заложено в банке. Указ 1847 года разрешал помещичьим крестьянам выкупаться на волю с землей в случае продажи имения с публичного торга. Закон 1848 года разрешал крестьянам приобретать недвижимую собственность с согласия помещика (Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 562–563). Хотя эти законы и указы в некоторой степени ослабляли крепостнический ошейник, но в целом проблему крепостничества не решали. Возможно, для верхов нужна была некоторая политическая катастрофа, которая бы встряхнула все общество, ускорив избавление от проклятых пут прошлого, ускорила бы осознание в правящем классе гибельности дальнейшего сохранения политико-экономических оков прошлого. Такой встряской и стала Крымская война, обострившая основные противоречия реакционной общественной системы. Стало очевидным, что без ликвидации крепостничества и определенной либерализации политической системы дальше развиваться немыслимо. В верхах родилась формула: «Крепостное право лучше отменить сверху, чем ждать, когда его отменят снизу». В воздухе запахло переменами, началась александровская оттепель, сопровождавшаяся ростом свободомыслия и оживлением общественной деятельности, немыслимым при Николае Палкине.

Эпоха Александра II

По восшествии на трон Александр II образовал Главный крестьянский комитет, обязав его разработать программу ликвидации позорного наследия веков. Итогом его работы стал манифест от 19 февраля 1861 года, упразднивший крепостное право и ударивший «одним концом по барину, другим по мужику».

Недовольство манифестом охватило широкие слои дворянства, которое лишалось определенных привилегий – экономических, политических. Помещики лишались дарового крестьянского труда, была ликвидирована их монополия в винокурении, не выдержали конкуренции свечные, салотопенные, суконные, ковровые и прочие производства, существовавшие в помещичьих имениях (Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979. С. 107–108).

Труд и техника помещичьих производств были слишком архаичны, чтобы выдерживать соревнование с более современными технологиями, организацией труда и пр. Дворянство недовольно было тем, что правительство освободило крестьян по-своему, а не так, как хотело оно. А оно требовало «не устанавливать конкретные размеры наделов и повинностей, предоставив их на усмотрение помещиков, а в другой раз – уменьшить размер будущих крестьянских наделов» (Кавелин... С. 561) и даже «угрожало правительству народными бунтами и требованием конституции» (Кавелин... С. 141). Некоторые помещики, материально пострадав от манифеста, в своем антикрестьянском раже договаривались до нелепостей. Так, М. А. Дмитриев гневно возглашал, что крестьяне «не проливали ни одной капли крови за отечество, но зато не прольют ни одной капли сивухи мимо рта» (Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. Новое литературное обозрение. С. 15).

Александр II отверг подобные домогания. По манифесту помещики теряли часть своей земли (крестьянин по положению был обязан выкупить свою усадьбу), крестьяне не обязаны были нести дополнительных повинностей и платить натуральную дань (птицей, яйцами, ягодами и пр.), барщина уменьшалась до 40 дней мужских и 30 дней женских (Кавелин... С. 561). Потери несли и крестьяне, получившие на 18 % меньше земли, которой пользовались до реформы (Россия в эпоху реформ. «Посев». Сб. статей, 1981. С. 18). Другим недостатком реформ было сохранение земли в общинном владении до 1906 года, что служило тормозом как в развитии производительных сил в сельском хозяйстве, так и в социальной дифференциации среди сельского населения.

Освобождение крестьян не принесло желаемого верхами успокоения в обществе. Обе стороны – и помещики, и крестьяне – считали себя обманутыми. По стране прокатилась волна крестьянских бунтов. Не осталось в стороне и дворянство – 13 тверских дворян возмутились манифестом и были посажены в крепость на суд Сената (Никитенко... Т. 2. С. 259); злобное недовольство проявила его «худородная» часть, из которой наиболее радикально и социалистически настроенные уходят в революционное движение, возглавив его. Как отмечал И. Аксаков, в 1867 году только мелкопоместные – или пассивны, или слишком страстные (Аксаков И. С. Сочинения. М., 1886. С. 345).

Ревизии 40–50-х годов XIX века показывают: из мелкопоместных потомственных дворян десятки тысяч были однодворцами – они сами обрабатывали землю, вели хозяйство и «не могли вести образа жизни, приличного лицам первенствующего сословия» (Корелин... С. 63). В канун реформы 1861 года мелкопоместные дворяне, владевшие не более чем 20 душами, составляли 41 % сословия (Корелин... С. 61). Вот из этих озлобленных «худородцев» вскоре и составитя отряд ишутинцев, каракозовых, ткачевых и прочих отщепенцев, возмнивших себя спасителями человечества, ради спасения которого угробят десятки миллионов человек. Но это – впереди. А пока словами манифеста Александр II пытался заручиться поддержкой

дворянского сословия в деле реализации грандиозного мероприятия. «Полагаемся на доблестную о благе общем ревность Благородного Дворянского сословия... к осуществлению наших предначертаний» (Кавелин... С. 563). Благородное сословие ответило в большинстве своем пассивно отрицательной реакцией, а некоторые – затаенным отмищением.

Интеллигенция из среды образованных «худородных» дворян, разночинцев в силу наличия в ней избыточной творческой энергии устремилась в радикализм. Хотя условия пореформенной России требовали участия образованных кадров. Но заниматься пореформенной буржуазной рутинной для горячих натур, открывших столбовую дорожку российской действительности, русского народа, русской истории было слишком унижительным, недостойным делом для распирающихся от тщеславия натур. Идти в народ, чтобы просто учить, лечить, строить новый каркас буржуазной России, для людей, почему-то возомнивших себя спасителями человечества от язв западной буржуазной цивилизации, было делом аморальным, недостойным их высокой миссии.

Для людей, свихнувшихся на социализме и мессианизме, одержимых нетерпением скорейшего облагодетельствования человечества открытой ими истиной – социалистическим переустройством России, трудиться в роли рядовых строителей буржуазной России было преступлением. Зачем повторять путь гнилого Запада, передовая мысль которого развилась до идеи социализма; способствовать умножению язв пролетариата, социальных катаклизмов типа революции 1848 года, Парижской коммуны 1871 года и тому подобных явлений на российской почве, когда можно одним махом – уничтожением самодержавия, «не имеющего корней» в российской истории, установить царство всеобщей справедливости и благодати?!

Трудиться на почве буржуазной рутины им было не по нутру, это оттягивало социальный переворот и наступление счастливейшей эры человечества в царстве всеобщей справедливости, в котором, правда, они, архитекторы этого царства, должны играть главенствующую, руководящую роль – пасомое стадо может заблудиться без пастуха.

Так формировалась и разыгрывалась незатейливая социологическая оперетка – реками крови по ходу ее развертывания и оглушительным провалом в финале.

Еще в канун обнародования манифеста здравомыслящие люди предлагали верхам:

1) собрать всех губернаторов;

2) собрать всех предводителей дворянства с целью дать общую инструкцию и тон, как действовать, и призвать к духовному содействию правительству в предстоящем великом труде по претворению манифеста (Князь Мещерский. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 81).

Обращение осталось без ответа. Верхи не захотели собрать и объединить дворянское сословие общим делом. И потому в обращении Александра II при оглашении манифеста просьбу проявить ревность дворянство «не расслышало». Взаимная глухота расширила трещину между династией и благородным сословием, отрицательно отразившись на проведении в жизнь великой реформы, реализация которой была плохо продумана. И потому родила в народе противоречивые толкования и в конечном итоге трения и столкновения.

Чем объяснить взаимную глухоту?

Декабристы заложили подозрительность царской династии к дворянству, и династия свою опору все в большей степени начинает видеть в служивой бюрократии. Между престолом и дворянством после 14 декабря 1825 года пролегла более жесткая граница, чем до этого. Советоваться с «бунтовщиками» корона не желала. Перед зимней сессией дворянских собраний в 1859 году МВД с «высочайшего повеления» оповестило губернских предводителей, что дворянству запрещается обсуждать вопросы по освобождению крестьян (Корелин... С. 237). Манифест в еще большей степени оттер дворянское сословие от управления в пользу бюрократии, власть которой после «бюрократического» указа Екатерины II (об обязательном повышении через семь лет) стала повсеместной и всеохватывающей. Властный формализм чиновников плодил армию бюрократов по старшинству, а не по профессиональным качествам, по

достижении восьмого чина они получали потомственное дворянство. Рознь между династией и дворянством углубилась. Заметно стал меняться и этнический состав вокруг трона: русских становится все меньше, немцев и прочих иностранцев – все больше. Нежелание поступиться мизером морального свойства в интересах целого в конечном итоге привело к общему краху. Здесь уместно напомнить, что раскол между династией и первенствующим сословием имел длительную предысторию.

При Петре I дворянство обязано было служить на государственной службе пожизненно. В 1736 году императрица Анна ограничила срок службы двадцатью пятью годами. «Манифест о вольности дворянства» Петра III 1762 года освобождал дворянство на «вечные времена» от обязательности любой государственной службы. Оно перестало быть крепостным и в силу материальной независимости постепенно стало отходить от политической, военной и прочей государственной службы, уступая ее выходцам из различных сословий, сумевшим приобрести соответствующее образование.

Жалованной грамотой 1785 года Екатерины II подтверждались все вольности манифеста 1762 года и добавлялись новые: земли, находившиеся в руках дворянства, объявлялись их частной собственностью, которую нельзя было изъять у них без суда, и дворяне освобождались от телесных наказаний. С этих пор они обрели статус гражданства, правда, в условиях российской действительности сугубо формальный, так как в условиях неограниченного самодержавия политически свободных граждан в принципе не могло существовать. Но обретение личной свободы не подвигло их к проявлению гражданской активности. Избавившись от обязательной государственной службы, основная их масса ушла в провинциальный застой, рассеявшись по своим дворянским гнездам, рождая «лишних» людей – чацких, онегинных, обломовых или цареубийц. Все сумасбродные идеи от не критического усвоения западных теорий рождались здесь же – в дворянских гнездах, сельских или городских. В зависимости от семейных традиций, кругозора, умственных потенций и рефлексии окружающей действительности одни становились горячими поклонниками русской самобытности, другие – западных ценностей, хотя «тех и других объединяло одно – расширение свободы» (Чичерин). Наиболее нетерпеливые, подстегиваемые избыточным тщеславием, миражами революций и скорого воцарения социальной справедливости, бредовыми идеями облагораживания русского мужика и другими химерами, создавали тайные общества или, прихватив материальные ценности, созданные потом своих крепостных, скрывались за границей, чтобы оттуда, из буржуазной безопасности проклинаемого ими гнилого Запада, будить топорные инстинкты российского обывателя.

Все разновидности российских социалистов – это космополиты, утратившие связь с почвой: русским народом, историей; бездомные бродяги, идеологические провокаторы и диверсанты; «лишние» люди, не сумевшие вписаться (адаптироваться) в конкретные исторические условия, не создавшие семейной жизни, быта, ничего конкретно положительного для своей страны, но претендовавшие на учителей человечества; люди, покалеченные бредовой идеей всеобщего братства, за которой скрывалась древняя, как мир, элементарная потребность в удовлетворении личного интереса, ради которого готовы были истребить полмира. Готовы были весь мир взять в братья – и всех в конечном итоге бросили. Относительно этой породы людей незаслуженно забытый ныне незаурядный российский мыслитель Р. А. Фадеев в 1874 году предупреждал власть и общество, что «в будущем Россия будет поставлена сделать выбор: или сильная власть, или власть беглецов-социалистов» (Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. С. 583). Не вняли...

Замкнувшись в глуши провинциальной периферии, первое сословие начинает постепенно морально вырождаться. Наполеоновское нашествие 1812 года «пробуждает» впадшее было в «летаргический сон» дворянство, рождая массовый патриотический подъем. Заграничный поход русской армии, соприкосновение с европейскими формами бытия вызывают

среди определенной части дворянского офицерства критическую переоценку «пещерной» российской действительности, желание осовременить ее. Итогом этих страстных желаний стал последний всплеск политической воли подпольного дворянского офицерства 14 декабря 1825 года. Восстание было подавлено, между короной и дворянством пролегла межа. Потеряв доверие со стороны престола, дворянство отошло от политической активности, похоронив себя в своих поместьях. Да и сверху культивировалась гражданская пассивность. И до реформы 1861 года крепостными оставались не только крестьяне. Политическую аморфность и гражданскую сонливость дворянства тонко подметил путешествовавший в конце 30-х годов XIX века по России де Кюстин: «Русские помещики – владыки в своих поместьях, политической силы не имеют, они – пустое место» (Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 268).

Инициатива снизу стала прорастать только в канун отмены крепостного права и после, но дворянство в массе своей, веками воспитанное в узде, к этому времени уже социально деградировало. К реформе оно, развращенное паразитизмом растительного существования, окончательно выродилось в сословие духовных импотентов, чужающееся гражданской активности. Уездные и губернские дворянские собрания, проходившие крайне редко, решали вопросы чисто местные, постановкой общероссийских задач, за редким исключением, не озабочивались. Поэтому в силу политической разрозненности дворянства как политической корпорации не существовало. Династия этим фактором могла быть довольна, ибо угроза ей с этой стороны перестала существовать. Хотя последствия такой политической аморфности в будущем обернулись для нее катастрофой. В течение веков препятствуя политической самоорганизации благородного сословия, трон сам себе вырыл могилу – в годы суровых испытаний на прочность династия осталась без естественной исторической опоры. Зато в течение многих десятилетий она мирилась с дворянским радикализмом, политически оформившимся в террористические организации – от Ишутина до Ленина – и поставившим себе цель низвергнуть самодержавие, устроив на его обломках утопическую коммуно-тюрьму, в сравнении с которой предшествующая российская крепостная система выглядела сущим санаторием.

Династия вместо закрепления и развития либеральных реформ начала 60-х годов с первыми выстрелами террористов-дворян потеряла политическое равновесие, усомнилась в их своевременности. Начала проявлять колебания. А требовались совсем «пустяки». Избавиться от шептунов-ультраконсерваторов типа Победоносцева, укрепить в масштабах страны систему политического сыска, жандармерию, собственную охрану, охрану высших административных чиновников, повесить всех народохожденцев (их было-то всего около тысячи), сеющих смуту среди невежественных крестьянских масс, твердой рукой навести элементарный порядок, то есть внять совету мудрых идеологов раннего российского самодержавия Ю. Крижанича и Ф. Прокоповича, пропагандировавших политику «Моисеева прута» (самодержавия) как единственного средства преобразования и благоденствия России. То же самое подсказывали и либералы-державники типа Чичерина: что успешность реформ зависит от их проведения твердой рукой, а их замедление, свертывание может иметь только сугубо отрицательные последствия. Но последние Романовы (с Александра II) отличались или отсутствием твердой воли, или скудоумием, или тем и другим вместе.

Если представители европейских властвующих династий, как правило, заканчивали определенные высшие учебные заведения, то русские цари воспитание и образование получали домашнее, причем особенное внимание уделялось иностранным языкам – немецкому, французскому, английскому. Но отсутствие систематического образования в области общественных дисциплин приводило к поверхностному взгляду на суть общественных явлений, неадекватной реакции на события внутренней и международной жизни.

Резкий переход от жесткой политики Николая I к либеральной политике Александра II, возведенной отменой крепостного права и рядом буржуазных реформ начала 60-х годов, тре-

бовал от инициаторов при их проведении твердой воли, понимания возможных последствий и ясности целей этих реформ. Не вызывает сомнений, что царь-освободитель понимал суть начатых им реформ, но вот на вызываемые ими последствия реагировал неадекватно.

Начавшаяся после смерти Николая I оттепель выплеснула на поверхность общественной жизни немало гнили в виде различного рода радикальных течений, кружков, личностей и тому подобных элементов, озабоченных одной целью: максимально расшатать государственные устои и в условиях всеобщего их ослабления попытаться захватить власть для претворения своих сумасбродных прожектов. И даже первые выстрелы в либерального царя-реформатора не подвигли последнего к принятию крутых мер относительно радикалов, замахнувшихся не только на него, но и на его детище. Отмечавшаяся Победоносцевым, Никитенко, Кропоткиным и другими современниками Александра II его слабохарактерность выразилась в непоследовательности проведения им либеральных начинаний, породивших многоликую вольницу в обществе, яростную полемику между либералами и консерваторами. Выступления экстремистов толкали Александра II вправо на удовлетворение некоторых требований реакции, сдерживание реформ земской, судебной, городского самоуправления, на отказ в дворянских претензиях на организацию высшего сословного представительного органа и т. д. (Корелин... С. 242–243).

Но следует и отдать Александру II должное: несмотря на ожесточенную борьбу вокруг него справа и слева, к началу 80-х годов он осознал необходимость увенчания своих либеральных реформ введением прообразов российского парламента и конституции.

17 февраля 1881 года Александр II подписал указ, дарующий России ограниченное народное представительство. Идея образования такого органа обсуждалась в 1863, 1866, 1874, 1879, 1880 годах. К рубежу 70-80-х годов идея образования законосовещательного представительства – прообраза парламента – уже настолько созрела в обществе, что игнорировать ее стало признаком обскурантизма. Образование всесословного представительства было логическим продолжением отмены крепостного права, либеральных реформ начала 60-х годов, существенным шагом к социальному замирению. В своем развитии этот институт необходимо эволюционировал бы в полноценный парламент и, будучи подготовительной школой его, воспитал бы немало политических деятелей государственного масштаба, способствовал бы формированию политических партий основных классов российского общества, кристаллизации их интересов, политическому просвещению широких народных масс, аккумуляции и разрядке избыточной энергии образованного меньшинства, цивилизованным правилам политической борьбы и т. д.

Эпоха Александра III

Враги России, враги ее органического развития, враги конституции и парламента 1 марта 1881 года убивают Александра II. Общество оцепенело от совершенного злодейства, а дальнейшая судьба России оказалась в зависимости от выбора наследника, Александра III, на историческом распутье. Вопрос «Куда идти?» был решен 8 марта 1881 года советом министров под председательством нового царя.

Первомартовская катастрофа положила конец конституционно-парламентским ожиданиям либерального общества. Александр III, напуганный террористическими актами последних лет и убийством своего отца, поддался истерическим речам ультраконсерваторов типа Победоносцева, и судьбоносный указ Александра II был предан забвению, а либеральные министры Лорис-Меликов, Абаза, Валуев, Милютин и другие были уволены или сами подали в отставку.

Придворная камарилья и народовольцы ликовали. Первые – по случаю сохранения кондового самодержавия, и обе партии – по случаю воспрепятствования установлению в России конституционно-парламентских начал, ибо с их институционализацией процессы общей демократизации, развития гражданского общества, капитализма в России пошли бы более быстрыми темпами. Для партии обломовых, привыкшей в течение столетий только тиранствовать и паразитировать за счет эксплуатации других, пораженной умственной и физической ленью, процессы демократизации и капитализации были бы приговором ее дальнейшей исторической несостоятельности. Что и произошло с дворянством после 1861 года. Развращенное выкупными платежами и предшествующей растительной жизнью, оно не сумело адаптироваться к быстро капитализирующейся России, промотало свое имущество, так и не став полноценными скрепами Российского государства.

Чтобы выжить в новых экономических условиях, приходилось продавать землю, идти на государственную службу или заняться предпринимательством. Освоить последнее было уделом немногих. Проще было землю продать или сдать ее в аренду. С 1861 года начинается процесс интенсивного обезземеливания господствующего сословия. С 1863 по 1904 годы дворянское землевладение сократилось на 35 миллионов десятин, или по 45 центральным губерниям европейской России на 40 % (Корелин... С. 57, 56). С ослаблением экономических позиций слабеет и политический голос дворянства. Его слабые претензии заявить о политической самостоятельности в январе 1895 года были решительно отклонены Николаем II. И оно снова на десятилетие погрузилось в социальную дрему, пока не было разбужено общим оживлением общественной жизни начала XX века. Но и грозные 1905–1907 годы не подвигли это сословие к политической самоорганизации, к осмыслению происшедшего катаклизма, необходимости более тесной политической консолидации с династией для выработки более адекватной классовой политики в сложившейся в России социально-экономической ситуации, решительному отстаиванию своих классовых интересов перед царем-недотепой. Однако никаких глубоких выводов и практических шагов в этом направлении до самой Февральской революции сделано не было. Полагались на русское «авось», на саморазрешение всех российских проблем стихийно. Всей этой своеобразной маниловщине февраль 1917 года поставил точку. Так привилегированное сословие, призванное быть скрепами Российского государства, благодаря своему политическому безволию, политической близорукости промотало историческое наследие, уступив место политическим проходимцам.

Процессы демократизации и капитализации российского общества были смертельны и для народников всех мастей, ибо гражданское взросление российского населения становилось бы все возрастающим препятствием для усвоения народом их популистской демагогии. Процессы ускоренного обуржуазивания российского общества способствовали бы и ускоренной

классовой поляризации его, росту материальной обеспеченности низов, их классовой самоорганизации, социализации и т. д. К сожалению, Александр III, никогда не отягощавший себя занятиями по усвоению премудростей общественных наук и проблемами управления государством, мало путешествовавший по стране, мало читавший и плохо знавший народ, не смог адекватно оценить внутривластную и народнохозяйственную ситуацию, общественные потребности унаследованной им России. Умственные способности его оказались ниже отцовских, и он не смог приумножить начал, заложенных его венценосным родителем.

Выпавший из рук Александра II трон был унаследован его сыном – Александром III, в данный момент его не ожидавшим и потому не готовившимся к его принятию. Александр II тоже не ожидал своей трагической кончины, был полон надежд на претворение своих планов, которые достойно бы увенчали начатые им реформы начала 60-х годов. Но это никак не входило в планы террористов-утопистов из «Народной воли». И 1 марта 1881 года царь-освободитель пал жертвой их преступных замыслов. К их общему ликованию, но к общему горю всей патриотически мыслящей России. Ведь, ни много ни мало, Александр II в этот день должен был возвестить о рождении российского прообраза парламента – мечте российских конституционалистов. И пусть этот орган носил бы поначалу совещательный характер, но его рождение символизировало бы желание династии вступить в диалог с обществом, с его наиболее творческой частью, готовой взять на себя определенную ответственность за судьбу России, за совместное с династией решение наиболее актуальных проблем недавно вышедшего из пут крепостничества общественного организма. А проблем было много. Это и вопросы пореформенного крестьянства, и отношение к радикалам социалистического толка, и вопросы судебной реформы, местного самоуправления, финансового положения страны после разорительной Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, и вопросы взаимоотношений с западными державами, выбор наиболее исторически перспективного союзника среди них; проблемы нарождающегося рабочего класса и его взаимоотношений с нарождающимся классом буржуазии и пр. И судя по предшествующей внутренней политике, Александр II готов был решать эти вопросы в положительной плоскости, то есть в плоскости смягчения накопившихся противоречий. И его готовы были поддержать наиболее дальновидные политики из ближайшего окружения. У России появлялась реальная возможность дальнейшего продвижения по пути общественного прогресса, заложенного реформами начала 60-х годов.

Убийство императора повергло все думающее сообщество в кому. Над всеми витал вопрос: «Что будет с планами общественного обновления убитого императора, какой путь выберет его наследник?»

Каков был портрет вновь взошедшего на престол царя? Попытаюсь нарисовать его глазами современников Александра III. Но предварительно необходимо отметить, что в течение многих лет духовным наставником цесаревича Александра Александровича был крайний реакционер Победоносцев, сторонник нравственного ригоризма, осуждавший Александра II за измену супружеской верности, что было источником глубоких переживаний цесаревича и что стало одним из источников их взаимного недоверия еще с 60-х годов. Увлечение Александра II с 1864 года княгиней Долгоруковой отдалило от отца его детей и мать. Цесаревич стал тяготиться общением с отцом и больше прислушиваться к советам Победоносцева, а тот на изыках политики и характера Александра II (государственной дряблости, не национальной политики, семейной безнравственности) учил цесаревича, каким должен быть император – волевым, национально ориентированным и пр. Немаловажную роль в становлении духовной близости цесаревича и Победоносцева сыграли повышенная религиозность наследника и их взаимная симпатия к славянофильству (Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Тайный правитель России. М.: Русская книга, 2000. С. 508–514). «Злой гений» России сумел убедить своего ученика в негативности всей реформаторской деятельности своего отца и его взглядов на государственное устройство России. Основными чертами личности нового монарха князь

Мещерский называет правдивость, честность и прямоту (Князь Мещерский. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 470). История показала, что на благоденствие Российского государства эти черты существенного влияния не оказали. Существенным недостатком престолонаследника было отсутствие системного образования в области гуманитарных дисциплин, особенно социологии, без знания которых невозможно было сформировать объективный взгляд на сущность общественных противоречий, исторических тенденций, присущих России последней трети XIX века, а также основным регионам мира, в которых внешняя политика стран взаимодействовала с внешней политикой Российского государства.

Умных людей возле Александра III не было (Богданович... С. 197). Зря он послушал Победоносцева и не дал конституцию, сейчас бы не было беспорядков (Богданович... С. 474).

«Монарх слабоумен», – констатирует советник министра иностранных дел Гирса Ламздорф 4 апреля 1887 года (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 94).

На радость японского премьера о торжестве – принятии конституции (1889) Александр III пишет: «Несчастные, наивные дураки» (указ. соч., с. 177). Еще худшего мнения Александр III был о российских подданных: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?» (Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 35). Вот плоды просвещения Победоносцева!

И. Тургенев о великом князе Александре Александровиче (Париж, октябрь 1879): «Наследник произвел на меня очень посредственное впечатление» (указ. соч., с. 82).

Феоктистов (1848–1896), глава Главного управления по делам печати при МВД в период царствования Александра III: «Умственное развитие Александра III стояло очень низко, плоть чересчур преобладала над духом» (указ. соч., с. 164).

Проработавший с Александром III пять лет (1887–1892) министром финансов Вышнеградский был невысокого мнения о его государственных способностях (Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. Минск: ХАРВЕСТ, 2003. С. 126).

В феврале 1892 года министерство народного просвещения представило в Госсовет законопроект о создании школы для женщин-врачей и санитарок для провинций. Госсовет единогласно одобрил, кроме Победоносцева. Проект отдали на усмотрение Александра III – и тот поддержал Победоносцева. Оба считают, что женские курсы фельдшерниц будут школами нигилизма и пропаганды. Весь Госсовет в глубоком удручении (указ. соч., с. 313). Два кретина! Сельская глушь задыхается от отсутствия медицинских кадров, а они все еще обуяны страхом от народнического террора. Уж коли все еще силен «первомартовский синдром», расширь полицейский контроль, сыскную службу, ужесточи наказание за антигосударственную пропаганду вплоть до смертной казни и т. п. Оставлять же из-за этого синдрома широчайшие народные массы без медицинской помощи – государственное преступление, демонстрация слабости. А Госсовет оказался выше монарха, проявив подлинные здравомыслие и патриотизм, вопреки расхожему мнению советских публицистов о нем как об оплоте реакции.

От воцарения Александра III его учитель Чивилев «ужаснулся» (Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 11).

Чичерин (известный публицист второй половины XIX – начала XX веков): «Я не слышал от него ни одного дельного вопроса, ни одной живой мысли» (указ. соч., с. 11).

На сетования тобольского губернатора на большую неграмотность среди населения Александр III наложил резолюцию: «И слава Богу» (указ. соч., с. 263). Сам не страдал книголюбием, еще и испытывал удовольствие от невежества подвластного ему народа. И невдомек августейшему увальню, что благосостояние общества и его жизнеспособность напрямую зависят от роста его образованности. Задумался бы, почему в Европе рост производительности труда значительно выше отечественного, почему вооружение там более совершенное, чем российское. Ведь, наверное, сам убедился во время русско-турецкой кампании 1877–1878 годов, как ее участник, о более качественном вооружении турецкой армии. Или не задумался? Наверное,

нет. Иначе не испытывал бы удовлетворения от горького признания тобольского губернатора. Ведь чтобы усомниться или уверовать в правильность курса государственного корабля, необходимо обладать широким кругозором, что невозможно без системного образования, без постоянной работы над собой, духовного самообогащения. Таким пристрастием наследник Александра II себя не отягощал, что и подмечено было Достоевским после нескольких встреч с семьей наследника в декабре 1880 года: «Милые, но малообразованные» (О. Барковец, А. Крылов-Толстикович. *Неизвестный император Александр III*. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С. 205).

Малоначитанность автоматически продуцирует низкую культуру, приверженность к обывательским формам мышления, убежденность видеть в широко распространенном невежестве опору незыблемости самодержавия. Малообразованность вкупе с неограниченной властью – благоприятная основа и для порождения чувства собственной непогрешимости. Этот недостаток не обошел, как указывает Ламздорф (Ламздорф. *Дневник 1886–1890...* С. 252), и Александра III, августейшего мракобеса.

Общения с образованными людьми в семье Александра III не любили, их сфера – анекдоты, общие места, смешные словечки (Ламздорф. *Дневник 1886–1890...* С. 252). На домашних обедах у Николая I и Александра II часто присутствовало много интересных людей, велся интересный разговор по многим темам; у Александра III за столом перебрасывались хлебными шариками, начинал игру сам Александр III (Ламздорф. *Дневник 1891–1892...* С. 232). Содержательное времяпровождение сменяется обывательщиной, типичной для людей с узким кругозором. Мог ли самодержец с подобным уровнем умственного развития желать высокой грамотности подвластного ему чада?! Не дай бог читать научатся, хулу на власть возводить начнут, уж пусть лучше пребывают в невежестве...

Уничтожающую характеристику Александру III дает Витте, немало лет наблюдавший его вблизи: «Александр III был человек обыкновенного ума и обыкновенных способностей... даже ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования...» (Александр Третий. *Воспоминания...* С. 273–274). И вот этому человеку «ниже среднего образования» после убийства отца пришлось решать задачу из области образования высшего. Мог ли он с ней справиться? История запечатлела ответ отрицательный, что было вполне ожидаемо для правителя с умом ниже среднего.

Трагически судьбоносным для России стало совещание совета министров, созданное Александром III 8 марта 1881 года для обсуждения конституционного проекта Лорис-Меликова. Председатель совета министров Валуев, министр внутренних дел Лорис-Меликов, военный министр Милютин, министр финансов Абаза, министр юстиции Набоков выступили в защиту намечавшегося Александром II узаконения проекта о созыве представительного органа как венца его либеральных реформ начала 60-х годов.

Милютин заявил, что беды нынешнего российского общества в том, что реформы Александра II остановились на полдороге, и что для дальнейшего совершенствования государственного устройства России намечавшуюся меру покойного императора необходимо претворить именно теперь (Конституция Лорис-Меликова. С.-Петербург. Издание типографии С. М. Проппера, 1907. С. 61, 51). Председатель департамента законов князь Урусов: «Необходимо привлекать к управлению лучших людей страны» (Рутыч Н. Н. *Думская монархия*. СПб.: Логос. С. 12). Министр финансов Абаза: «Без совещания с представителями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов. Необходимо привлекать людей, которым население доверит его голос...» (указ. соч., с. 12). Парламентские замыслы Александра II были поддержаны и великими князьями Владимиром и Михаилом, высказавшими мысль о том, что «мы не можем далее управлять, как доселе управляли» (указ. соч., с. 59).

Александр III охладил «представительский» пафос вельможных либералов: «Император Вильгельм, услышав, что батюшка хочет дать конституцию России, умолял его не делать

этого... В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями народных потребностей» (указ. соч., с. 52, 55). Усомниться бы «бульдозже», почему кайзер отказывает России в парламенте, хотя сам пребывает в парламентской системе?! Не задумался, видимо, твердо усвоил азы политического букваря своего учителя Победоносцева, что самодержавие для России – на все времена.

Погромную речь против всей реформаторской деятельности батюшки Александра II произнес Победоносцев, заклеивший все либеральные начинания Александра II, начиная с акта освобождения крестьян от 19 февраля 1861 года, как подрывающие устои российской государственности. «В России хотят ввести конституцию... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, есть орудия всякой неправды, источник всяких интриг... И эту фальшь хотят к нашей гибели ввести у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, взаимному доверию между народом и его царем... Так называемые представители земства только разобщают царя с народом... предлагают устроить у нас говорильню... Мы и без того страдаем от говорилен под влиянием ничего не стоящих журналов... открыты земские и городские говорильни, вносящие всякую смуту... открылись новые судебные учреждения – новые говорильни адвокатов... Дали свободу печати, самой ужасной говорильне, которая разносит по всей России хулу и порицания на власть... И теперь предлагают учредить новую верховную говорильню... всякое из его (Александра II – Б.) учреждений превратилось в ложь у нас под руками, и всякая дарованная им свобода стала ложью...» (указ. соч., с. 55–58).

Возмутиться бы престолонаследнику подобной наглостью и глумлением обер-прокурора над памятью своего отца! Но нет... Александр III, еще находившийся под впечатлением первоапрельского теракта, не обладавший достаточным политическим кругозором и опытом государственной деятельности, необходимыми для статуса верховного правителя крупнейшей в мире империи, поддался эмоциям и политическим спекуляциям злобного реакционера – и конституционный проект Александра II и Лорис-Меликова новым императором был отклонен. Ему не хватило ума последовать наказу своего отца, Александра II, сказанному на открытии финского сейма в сентябре 1863 года: «...либеральные учреждения не только не опасны, но составляют залог порядка и благоденствия» (Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 15). Александр III воспротивился исторически сформировавшейся тенденции общественного развития, вняв своему учителю Победоносцеву о неизбежности в России самодержавных начал. 29 апреля 1881 года был опубликован манифест Александра III, в котором принцип самодержавия провозглашался как единственно верный путь к благоденствию России, не подверженный каким-либо изменениям. Это был гимн самодержавному обскурантизму, хоронящий либеральные начинания предшествовавшего царствования, и поворот на путь отцов, исторических преданий. Все либералы из правительства и ближайшего окружения Александра II были заменены на ретроградов, и с этим обозом прошлого молодой венценосец двинулся вперед, навстречу гибели. И без тени юмора еще и восхищался заменой модерна на исторический хлам: «Слава Богу, я счастлив, что отделался от них, особенно от Лориса, который заварил кашу игрой в либерализм... на все надо быть готовым и идти прямо и смело к цели, не уклоняясь в сторону, не отчаиваться и надеяться на Бога» [(из письма великому князю Сергею Александровичу летом 1881 года), О. Барковец... С. 117]. В письме Победоносцеву 12 марта 1883 года Александр III заверяет его: «Пока я жив... я не допущу этой лжи на святой Руси... я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы допустить его в России» (К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.: Русская книга, 2001. С. 148–149). Задуматься бы обоим: почему это и царь, и террористы не хотят введения выборного начала на Руси?! Не задумались – и проиграли!

Когда политические программы, основанные на объективных потребностях общественного развития, подменяются субъективными построениями на базе исторически отжившего,

на обветшалых фигурах прошлого, надежд на Бога – с верой в благоприятное историческое будущее страны можно расстаться. Надейся на Бога – и беда минует тебя и Россию (Николай II всю жизнь уповал на Бога – и лишился трона и жизни). Это ли не показатель мировоззренческого инфантилизма молодого царя?

Надо отдать должное Александру III – надежду на Бога он подкреплял материальной силой: промышленность относительно бурно развивалась, строился военно-морской флот, значительно увеличилось количество учебных заведений от низших до высших, число театров, врачей, педагогов, инженеров и т. д. Хотя это развитие проходило и без определенного влияния самодержца, а в силу необходимости капитанам промышленности под воздействием научно-технического прогресса расширять производство и увеличивать кадры специалистов, высококвалифицированной рабочей силы, что без роста общей грамотности населения, особенно городского, было невозможно. За годы правления Александра III бюджет вырос в 9 раз (во Франции за эти же годы в 2,6; в Англии – в 2,5). Золотой запас России увеличился с 292 млрд рублей в 1881 году до 649 млрд рублей в 1894 году (Барковец... С. 151). Тоннаж боевого флота Александр III довел к 1894 году до 300 000 тонн – третье место в мире после Англии и Франции (Барковец... С. 157). Все эти процессы свидетельствовали о росте материально-технического могущества России, повышении общей культуры общества, его самосознания, но не компенсировали отсутствие представительных органов, через которые только и могут формироваться кадры общественных деятелей, политически зрелых и ответственных руководителей от низших до высших звеньев государственного управления. Представительные органы – это школы политического самообразования, школы формирования граждан, ответственных за свои поступки, это школы формирования политических партий. Похоронив проект Лорис-Меликова, Россия на четверть века была погружена в политический анабиоз. Александр III с Победоносцевым лишили матушку-Русь и русский народ двадцатипятилетней школы самоуправления. Зато все эти годы враги России, враги русского народа оттачивали свое искусство в обращении с народными массами!

Касаясь отклоненного монархом конституционного проекта Лорис-Меликова, необходимо отметить, что он появился не на пустом месте. Он имел довольно длительную предысторию, начиная с либеральных идей среди высшего сословия в эпоху Александра I, формализовавшихся в конституционный проект Сперанского 1809 года и нашедших продолжение в конституционных изысках декабристов. С разгромом декабристов и установлением полицейского режима Николая I разговоры о конституции замолкают до александровской оттепели конца 50-х годов, когда стала готовиться реформа по упразднению крепостного права. Они усилились после манифеста 19 февраля 1861 года. Так, ряд дворянских собраний 1861–1862 годов в своих ходатайствах к высшей власти выдвигал предложения об учреждении центрального выборного представительства совещательного характера (Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979. С. 242–243). Скромность амбиций не должна удивлять. Дворянство само только что вышло из недр полицейского феодализма и исторически не могло еще созреть для требований независимого парламента. Но сам факт появления подобных предложений свидетельствовал о стремлении дворянского сословия ограничить самодержавие. Новым импульсом в реализации конституционных идей дворянства стала земская реформа 1864 года.

В декабре 1865 года петербургское губернское земское собрание постановило обратиться к правительству с ходатайством об учреждении центрального земского собрания. В 1867 году то же собрание высказалось за участие земства в законодательной работе. В том же направлении принимали решения и дворянские собрания, а в январе 1865 года московское собрание в петиции царю указывало на необходимость установления и центрального представительства дворянства (Леонтович В. В. История либерализма в России, 1762–1914. М.: Русский путь. Полиграфресурсы, 1995. С. 317–318). И хотя эти претензии дворянства были отвергнуты, но

в памяти общественного сознания они остались, чтобы вновь всплыть в благоприятное для них время. Такое время и пришло на рубеже 70–80-х годов. Двадцать лет свободы раскрепостили умы, и образованное общество ожидало дальнейших шагов в обновлении общественного строя. Конституционные требования усилились после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, когда освобожденная Россией от турок Болгария получила конституцию, а России в ней отказывали.

По поручению великого князя Константина Николаевича государственный секретарь Перетц летом 1880 года подготовил проект, по которому к Государственному совету должно было быть присоединено собрание представителей, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами, совещательного характера. Этот проект и лег в основу проекта Лорис-Меликова, предусматривающего учреждение подготовительных комиссий из назначенных членов. Но предусматривалось создание и всеобщей комиссии, которая должна была еще раз дополнительно обсуждать законопроекты, представленные подготовительными комиссиями. В состав всеобщей комиссии наряду с назначенными правительством членами из состава подготовительных комиссий должны были входить еще и члены, избранные из представителей губернских земских собраний и городских дум. Комиссия эта также имела чисто совещательные функции и должна была рассмотренные ею законопроекты передавать Госсовету, также имевшему лишь совещательные функции (Леонтович... С. 321–322). И вот этот проект совещательных комиссий с весьма скромными политическими полномочиями Победоносцевым был заклеен как подкоп под государственные основы. Александр III в силу своей умственной неадекватности не смог адекватно распорядиться богатым политическим наследием своего отца, и, вместо того чтобы этому наследству придать новый импульс, он огульно предал его анафеме. Все деяния Александра II он охарактеризовал как «несбыточные фантазии и паршивый либерализм» (Ламздорф В. Н. *Дневник 1886–1890...* Минск: ХАРВЕСТ, 2003. С. 125). И все недолгое царствование Александра III было посвящено выкорчевыванию метастаз «паршивого либерализма». Вот основные вехи этой полицейщины:

- 1) ограничение земского и городского самоуправления;
- 2) сокращение участия в судах присяжных заседателей;
- 3) упразднение университетской автономии в 1884 году;
- 4) усиление надзора за университетскими и школьными преподавателями;
- 5) замена уездных мировых судей земскими начальниками в 1889 году;
- 6) ограничение гласности судопроизводства;
- 7) усиление дворянского присутствия в различных институтах государства.

14 августа 1881 года Александр III узаконил акт – сродни полицейской конституции, – на основании которого «все население России ставилось в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции», то есть если речь шла о государственной безопасности, то объективный критерий виновности отменялся и виновность устанавливалась на основе субъективного мнения полицейского начальника. На основании этого акта подозреваемого можно было взять под стражу на три месяца и наложить штраф до трех тысяч рублей (в переводе на нынешний рубль – миллионы!), увольнять неблагонадежных с государственной работы и т. д. (Ричард Пайпс. *Россия при старом режиме*. М.: «Независимая газета», 1993. С. 398–400). Эта «полицейская конституция», как показывает практика сегодняшнего дня, благополучно дожила до наших дней – начала XXI века!

Вспомните «едроссовские» законы 2012 года относительно «болотных» митингов, заоблачные штрафы и пр.

Политика закручивания гаек с первых дней восшествия на престол Александра III, продолжавшаяся в течение 13 лет, притупила общественное сознание, сформировала рефлекс инертности, ухода от активной политической и общественной деятельности в рутину малых дел, в состояние общественной дремы. Манифест Николая II от 17 января 1895 года, покон-

чивший с либеральными иллюзиями, рожденными приходом к власти юного наследника, эту дрему растянул еще на десяток лет.

Александр III оставил своему наследнику не только репрессивный характер внутренней политики, сдерживавшей развитие гражданского общества. Он заложил основы и внешней политики, не отвечавшей интересам династии и Российского государства, что при политической близорукости и слабости Николая II привело к катастрофическим последствиям и для династии, и для России.

Александр III, правитель «ума ниже среднего», не смог адекватно разобраться во внешне-политических хитросплетениях европейских держав и определить вектор отношений с ними, соответствовавший интересам России. Больше руководствуясь эмоциями, чем здравым смыслом, поддавшись антигерманским настроениям конца 70-х годов, связанными с Берлинским конгрессом 1878 года, отнявшим у России плоды Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, а также филиппикам чтимого им германофоба Каткова и глубоким антигерманским настроениям супруги-датчанки Марии Федоровны, после многолетних метаний между Германией и Францией он делает окончательный выбор в пользу последней, заключив с ней в 1892 году тайный военный союз. Многие предупреждали Александра III не спешить заключать союз с Францией – морской министр адмирал Чихачев, министр иностранных дел Гирс (Ламздорф. Дневник 1891–1892... С. 301), но падкий на французские заискивания, принимающий их за чистую монету (Ламздорф. Дневник 1891–1892... С. 320) царь эти предупреждения проигнорировал. Александр III в союзе с Францией видел одни достоинства (Ламздорф. Дневник 1891–1892... С. 344). Прав был Ламздорф, фиксируя мнения многих приближенных к Александру III сановников: у Александра III нет никакой политической системы, и он подвержен самым пагубным влияниям (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 47).

Великий князь Александр Михайлович об Александре III после его братания с Францией: личная антипатия к Вильгельму II склонила его к союзу с Францией, он переоценил военное могущество России. А невзлюбил Александр III Вильгельма II и Бисмарка за их попытки поучать его, как управлять государством, и его симпатии переключились на Францию (Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999. С. 68). Мог бы и прислушаться к советам умудренного в политике «железного канцлера»! Но эмоции в очередной раз взяли верх над разумом, и Россия покатила по пути, противоположному ее интересам. Ламздорф предупреждал в 1891 году: «Французы предадут и продадут нас при первом удобном случае» (Воейков В. И. С царем и без царя. М. С. 31). Как в воду глядел!

Фон Швейниц, посол Германии в России (1876–1893 годы), об Александре III 19 марта 1881 года: в делах дипломатии неопытен, никогда не проявлял к ней интереса, как его незабвенный отец (Александр III. Воспоминания... С. 172), и 18 мая 1881 года: Александр III во внутренней политике во всем следует советам Победоносцева и московских политиков Каткова и Аксакова, их мнение будет решающим и в вопросах политики внешней (указ. соч., с. 175). И 5 декабря 1881 года: внешняя политика в слабых руках (Указ соч. С. 176).

Александр III заверял Швейница в своих лучших намерениях к Германии, а французского посла Лабуле – в своих симпатиях к Франции (Ламздорф. Дневник 1886–1890... С. 47). Заигрывать с той и другой сторонами – признак неспособности определить результирующую в международных отношениях к главным европейским державам и в соответствии с ней выбрать себе исторического союзника, хотя бы потенциального, не отдавая открытого предпочтения в течение определенного времени кому-либо. Союзу с Россией помогали и Германия и Франция – Александр III долго не мог определиться в предпочтениях, склоняясь то в одну сторону, то в другую (с оглядкой на Каткова, Победоносцева, общественное мнение), пока после «медового» периода в русско-германских отношениях (союз с Германией 1887–1890 годов) окончательно не выбрал в союзники России Францию. Союз с Германией не был возобновлен в связи с уходом из политики Бисмарка, к которому Александр III благоволил

(Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 18). Личная антипатия российского императора к Вильгельмам опять возобладала над здравым смыслом, он окончательно расстается с германскими настроениями. Российский монарх проигнорировал настойчивые предложения близкого родственника Вильгельма I в январе 1887 года совместными усилиями бороться против тех, кто стремится разъединить монархии (указ. соч., с. 70–71). Заклячая союз с Францией, Александр III должен был предвидеть, что этот союз не отвечал стратегическим целям его самого – избегать войн. Франция же, потеряв в 1871 году Эльзас и Лотарингию, будет стремиться их вернуть, что без войны с Германией невозможно. Так завязан был узел непримиримых противоречий, разрешение которых привело к трагически судьбоносным для России последствиям. Итак, какое наследство было оставлено «гатчинским затворником» своему наследнику Николаю II? Александр III сумел справиться с революционным брожением конца 70-х – начала 80-х годов. «Народная воля» была разгромлена, основные организаторы покушения на Александра II повешены, жесткими полицейскими мерами общество в течение 13 лет было избавлено от политических катаклизмов. Правда, ценой отказа от продолжения целительных реформ начала 60-х годов. Чтобы их благотворное влияние и далее продолжалось, несмотря на весь ужас содеянного народовольцами 1 марта 1881 года, необходимо было лишь трезво оценить создавшуюся ситуацию и прислушаться к рецепту известного юриста и публициста Чичерина: реформы и порядок. Жесткие полицейские меры и претворение в жизнь задуманных Александром II начинаний. Перепуганный же император с умом ниже среднего решил управлять Россией только с помощью крайних мер. Но крайние меры всегда односторонни: душат явления не только негативные, но и благотворные. Под бичом полицейского террора общество «замораживается», начинают набирать силу процессы не интеграции, а дезинтеграции. Начинает превалировать рознь под прикрытием официальных идеологических трафаретов типа «православие, самодержавие, народность», «царь за народ», «народ любит царя» (Николай II верил в этот миф до последних дней) или типа «народ и партия едины». Вот такую Россию, не объединенную живительными соками гражданского строительства, Александр III и вручил Николаю II, слепо уверовав, что только под самодержавным скипетром Россия может благоденствовать.

Александр III вместе с «полицейской» Россией передал и ущербный вектор своей внешней политики, который наследник мог, конечно, изменить, но на это требовалась воля, которой ему катастрофически не хватало, что и привело к пагубным для династии и страны последствиям.

Эпоха Николая II

Неожиданно скончавшийся император Александр III не успел подготовить своего наследника к бремени венценосца, и Николай II принял бразды государственного правления абсолютным дилетантом. Личность вновь взошедшего на престол императора была расплывчатой, четких контуров не имевшей, в целом – малопривлекательной: ни внешней царственной фактуры, ни духовной мощи. Преобладала интеллектуально-волевая немощь, прикрытая упрямством, нетерпимостью к посторонним советам, гипертрофированной подозрительностью и чрезвычайной склонностью к мистицизму. Свойства малопригодные для властелина одной шестой части суши и благоприятные при определенных условиях для манипулирования им со стороны внешних инстанций. Ему было 26 лет, и в склонности к увлечению государственными науками в предшествующие годы замечен он не был. Чихачев (управляющий морским министерством, октябрь 1894 года): «...наследник – совершенный ребенок, ни опыта, ни знаний, ни склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности детские. Руль выпал из твердых рук, и куда приплывет государственный корабль – Бог весть» (Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Новое литературное обозрение, 2000. С. 29).

В 1892 году Витте, министр путей сообщения и финансов, предложил Александру III назначить наследника председателем комитета по постройке Сибирской железной дороги. Царь изумился: «Да ведь он совсем мальчик, у него совсем детские суждения» (Роберт Мэсси. Николай и Александра. М., Интерпракс, 1990. С. 30.). Через два года этот мальчик стал императором, а инфантилизм стал визитной карточкой всей его политики.

В день смерти отца Николай признавался великому князю Александру Михайловичу: «Я не готов быть царем. Я никогда не хотел быть им. У меня даже нет понятия, как разговаривать с министрами» (указ. соч., с. 45). Эти «царские достоинства» «украшали» его деятельность до самого отречения. Признаться бы юному царю, что его голубой мечтой было стать не царем, а командиром любимого им лейб-гвардейского гусарского полка (Гурко... С. 13). Предощущал, наверное, что это – его потолок, да династические вериги предопределяли другую ношу – шапку Мономаха, не по душе, не по плечам. Так и правил, как бог на душу положит, спустя рукава.

Что было не совсем обычно для молодого царя, так это повышенная религиозность, качество далеко не главное для носителя короны. Правда, склонность объяснимая, если принять во внимание, что воспитателем Николая, как и его отца, был Победоносцев, «злой гений» России, строжайший ревнитель православной нравственности. По Победоносцеву, самодержавие и православие – вечные скрепы Российской империи, а всякие там конституции, парламенты – от лукавого, и их никогда в России не будет. Парламент, свободная печать, сплошное образование народа и прочие прогрессивные общественные веяния подвергались Победоносцевым остракизму, осмеянию, как явления, расшатывающие государственные устои. Но почему эти явления возникают и постепенно планетарно расширяются, главный российский «законник» не объяснял. Победоносцев в 1896 году истерично предрекал: «Дети наши и внуки дождутся свержения этого идола (парламентаризма. – Б.)» (Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Белград. Т. 1. С. 42). Дети, внуки и он сам дождались торжества этого идола – открытия Госдумы в апреле 1906 года! А ведь было у царского наставника немало разумных рассуждений, например: «Вся мудрость жизни – в сосредоточении силы и мысли, все зло – в ее рассеянии» (указ. соч. Т. 1. С. 44). Только приходится удивляться: почему более чем за двадцать лет он не научил этой мудрости своего ученика – Николая II, ограничившись курсом православно-самодержавной рутины, вбив ее догмы в головы детей Александра II и Александра III?! Усвоив мертвые истины реакционной утопии, они до последних дней верили в их непогрешимость.

С первых дней царствования Николай II попал в плен своих многочисленных дядей, значительно старших по возрасту, политически более опытных и обладавших более сильной волей. Если Александр III одной своей фактурой сдерживал амбиции многочисленных родственников, то малорослый и слабовольный Николай, лишенный царственного величия и абсолютно неподготовленный к роли повелителя России, попал почти в полную зависимость от их советов, на многие годы продлив свое политическое младенчество, не преодоленное до последних дней. Политическое опекуновство дядей в будущем сменилось опекуновством царицы, что в конечном итоге имело трагические последствия как для династии, так и для России. Николай II был подвержен влиянию не только своих дядей, Победоносцева и царицы, но и своего кузена – Вильгельма II, германского императора, который был старше на девять лет.

Более политически грамотный и опытный, волевой и решительный кайзер сумел переориентировать интересы внешней политики российского императора с Запада на Восток, спровоцировав в конечном итоге войну между Россией и Японией. Личные качества последнего Романова имели решающее значение в российской катастрофе, поэтому есть смысл остановиться на них более подробно.

Самая расхожая характеристика Николая II по многочисленным источникам: слабовольный, вместо силы воли – упрямство (то есть каприз), недоверчивый, сдержанный, неумный, душевно пустой, лицемерный, фаталист, но образцовый отец семейства, политически близорук (недальновиден). Современники отмечают также подверженность Николая II постороннему влиянию. Так, великий князь Константин Константинович (поэт) фиксирует в 1903 году, что у молодого государя «последний докладывающий всегда прав» (Михаил Вострышев. Августейшее семейство. Россия глазами великого князя Константина Константиновича. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 260). Один пример политической близорукости и отсутствия собственного мнения в выборе стратегического союзника связан с заключением секретного договора об оборонительном союзе между Россией и Германией, подписанного в июле 1905 года Николаем II и Вильгельмом II в Бьерке (Извольский А. П. Воспоминания. Минск: ХАРВЕСТ, 2003. С. 36–37). Германофобы из ближайшего окружения Николая II убедили его в ошибочности заключенного договора, и царь в октябре того же года сообщил Вильгельму II об его аннулировании. В пользу врагов России – Франции и Англии.

Еще один пример политической недальновидности российского императора. В 1904 году министр внутренних дел Святополк-Мирский сделал попытку привлечения выборного населения к государственному управлению и был уволен (Вострышев... С. 284). А через год сам император был вынужден объявить манифест о созыве Государственной думы.

Николай II был отягощен и другими грехами: мелочен, коварен, неправдив (Любош С. Последние Романовы. М.: АСТ; СПб.: Полигон. С. 186).

«Царь никого не ценит, держит человека, пока тот ему нужен, потом бессовестно выбрасывает... царь не хозяин своего слова... Николай II слабовольный, но скользкий как рыба» (Богданович А. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. С. 397, 439, 458).

Штюмер (март 1908): «Николай II фальшив, как Александр I, на него нельзя положиться» (Богданович... С. 470).

Американский публицист Е. Алферьев не согласен, что Николай II был человеком слабовольным: «Раз перенес все тяготы царствования и заключения – человек сильной воли» (Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. Свято-Троицкий монастырь, Джондарвилль, Н. I., 1983. С. 11). Алферьев упускает из виду, что человек равнодушный и фаталистически настроенный с относительной легкостью может переносить злоключения судьбы. Что особо переживать, коль на все воля Божья. Достойно лишь сожаления, что последние русские цари – Александр III и его сын Николай II имели своим воспитателем религиозного фанатика Победоносцева, приучивших их, особенно Николая II, больше внимания уделять храму и молитвам, чем проникновению в тайны государственного управления. Свято чтя заветы сво-

его воспитателя, Александр III наказывал учительнице своих детей: «Они должны хорошо молиться Богу и учиться» (Алферьев... С. 13). Из всех наставлений Николай превосходно усвоил только первое. При нем с 1894 по 1912 годы было открыто 211 новых мужских и женских монастырей, 7546 церквей; большое внимание он уделял церковному искусству, церковным ремеслам, хорошо знал церковный устав, понимал и любил церковное пение, ежедневно истово молился (Алферьев... С. 80, 82–85). Не лежала у Николая II душа к царскому делу! И потому совсем не случайно он в январе 1905 года хотел сменить царский престол на патриарший, запросив согласия у Синода (Алферьев... С. 88). Симптом весьма показательный. Возможно, в условиях резкого накала социальной атмосферы, классовой борьбы Николай II ощутил свою неспособность как руководителя и, не желая нести ответственность за последствия бурно развивающихся событий (Русско-японская война, недовольство ею в обществе, рабочие-крестьянские волнения, требования прогрессивных кругов о расширении политических свобод и т. д.), решил уйти в тишь церковных алтарей, где чувствовал себя душевно комфортно. Этот шаг показывает, что резкая смена социального климата провоцирует у самодержца душевный надлом вследствие слабоволия и отсутствия устойчивого морального стержня, продуцируя принятие неадекватных, импульсивных, труднообъяснимых с позиций типичных носителей такого уровня власти поступков. Церковники в царском предложении могли усмотреть подвох и, как более опытные психологи, предусмотрительно промолчали, чем вызвали со стороны Николая II неприязнь к ним до его отречения.

Двадцатилетним Николай твердо усвоил, что «все в воле Божией, и потому я спокойно и покорно смотрю в будущее» (Алферьев... С. 16). Покорность судьбе есть проявление не силы воли, а бесстрастия к происходящим вокруг событиям, отсутствие подлинного интереса к ним, нежелание или неспособность адекватно на них реагировать, уподобление барану, влекомому на плаху. Да и сам Николай II в письмах из ставки своей августейшей супруге подписывался в пику Алферьеву так: «Твой бедный маленький слабовольный муженек Ники» (Мэсси... С. 315). Несчастны государство и народ, которыми правит такой «муженек». И если Алферьев такого «муженька» находит человеком сильной воли, то Бог ему судья. Современники же Николая II дружно отмечают, что слабоволие российского императора сменялось феноменальным упрямством. Сановная мемуаристка А. Богданович (апрель 1894 года): «упрям и никаких советов не терпит» (Богданович А... С. 16). Плеве, министр внутренних дел: «очень упрям, советов не терпит» (Богданович... С. 191). Феноменальным упрямством, под стать супругу, отличалась и Александра Федоровна (Л. Ден. Подлинная царица. СПб.: Нева, 2003. С. 87).

Николай II родился 6 мая 1868 года, в день святого Иовы Мученика, что символически как бы предreshало его мученическую жизнь. Он идентифицировал свою судьбу с судьбой этого святого и ни о каких изменениях ее не помышлял. С тупым равнодушием обреченного на заклание он шел навстречу своей Голгофе, ведя за собой и всю страну. Не вызывает сомнения, что судьба всех и вся ему была абсолютно безразлична. Какой смысл сражаться с судьбой, когда все предопределено Творцом? Эта жизненная позиция была принята давным-давно и пересмотру не подлежала. Ведь тогда бы пришлось усомниться в существовании самого Творца, что для сверхрелигиозного Николая было совершенно немыслимо. И многие факты из его жизни буквально окрашены этой мученической символикой. Так, при короновании Николай II просил Бога вразумить его управлять государством по воле и заповедям Господним. И Господь услышал, подал знак: при принятии причастия тяжелая цепь святого Андрея Первозванного соскользнула с плеч императора и упала на пол (Любовь Миллер. Царская семья – жертва темной силы. Мельбурн, 1998. С. 37). Чем не зловещий символ, знак неба о Божьей неуютности?! Или проще: не по Сеньке шапка! Не по плечам ношу взваливаешь на себя, претендент на российский престол!

В эти же дни имели место и другие зловещие предзнаменования, все те же знаки Божьей немилости к юному царю: пожар на Спасской башне (Миллер... С. 38); ходынская трагедия,

когда погибло 1282 человека со многими сотнями покалеченных. В искупление вины император из личных средств каждой пострадавшей семье выделил по тысяче рублей (Миллер... С. 40). Корова стоила в те времена три рубля. За Ходынку Николаю II большевики приклеили прозвище «Кровавый». Жертвами кровавого террора Ленина и Сталина стали десятки миллионов человек, а они до сих пор у большевиков «светлые» и «чистые». Естественно, ни одной из жертв не компенсировали ни рубля. Наоборот, у многих имущество конфисковали.

Задуматься бы молодому императору о сигналах свыше и попытаться приумножить свои познания в области государственного строительства, не дать мистическим знакам воплотиться в реальность и придать его деятельности трагический окрас. Мало просить Бога о вразумлении, надо еще и самому проявить рвение быть достойным титула помазанника Божия. История повествует, что Николай II не отягощал себя трудом по освоению управленческих дисциплин. На дворе были не XVI и не XVII века, когда можно было ограничиться набором традиционных для средневековья приемов в управлении государством. К XX веку мир чрезвычайно усложнился, и знания нескольких иностранных языков (Николай II свободно разговаривал на немецком, французском, английском), географии и православия было далеко не достаточно для свободного ориентирования в вопросах международной или внутренней политики. Руководители западных стран, как правило, имели за плечами престижные университеты. Университетом Николая II была иссушающая душу дидактика Победоносцева о непреходящих ценностях православия и незыблемости самодержавия, что чрезвычайно сужало его умственный кругозор. А главное – не было внутренней потребности к самосовершенствованию. И дневник российского императора засвидетельствовал чрезвычайные лень и скудоумие его автора, у которого на любые неудачи личного или государственного значения ответ был один: «На все воля Божья». На все советы (в том числе и матери-императрицы Марии Федоровны) повлиять на ход событий, изменить негативные тенденции в сторону положительных на протяжении всего царствования мы слышим монотонно-смирненное: «На все воля Божья». Ни малейших попыток упредить негативный ход событий, ни малейшего предвидения их последствий. Среди монархически настроенной публики были не только осуждавшие управленческие методы Николая II, его увлечение религией в ущерб государственной деятельности, но и такие, которые в чрезмерной увлеченности монарха религиозными службами находили положительные стороны, утверждая, что «вне религиозной настроенности – люди слепцы, религиозная настроенность пробуждает нравственную ответственность» (Князь Жевахов Н. Д. Воспоминания. М., 1993. Т. 1. С. 138) и т. п. У истоков верующих притушено критическое начало, и потому сентенции святых, старцев, юродивых и прочих «божьих людей» для них были истиной в последней инстанции, подтверждающей правильность их моральной позиции. По их понятиям эти люди были ближе к Богу, их устами глаголил сам Господь, и потому их наставления воспринимались как руководство к действию, норма бытия. В мировоззрениях «божьих людей» и Николая II можно найти много общего, что свидетельствует о том, что общение с ними (Пашей Саровской, Макарием Верхотурским и пр. – Жевахов... Т. 1. С. 204) не проходило для него бесследно. Вот, например, суждения старца Оптиной пустыни: «Зачем разбираться в трудностях жизни. Положись на волю Божью, и Бог не посрамит тебя» (Жевахов... Т. 1. С. 127). Идентично рассуждал и Николай II, не пытаясь обременять себя радениями на пользу Отечеству. Видимо, был убежден, что молитвами уберет Россию от всех напастей. Вот только достойно сожаления, что религиозная настроенность монарха не сделала его зрячим и не помогла выбрать правильный курс государственного управления, занять адекватную интересам России и династии позицию между Германией, Францией и Англией в начале XX века. Находил время для бесконечных молитв и бесед с «божьими людьми», а вот для встреч со светилами отечественной мысли, которые сумели бы просветить его относительно законов общественного бытия, управления государством, и времени не находил. Оно и понятно. Для человека, уверовавшего в сущее как промысел Божий, советы с учеными были бы проявлением гностицизма, неверия в сущее

ствование Всевышнего, как соблазны дьявола. А потому прочь, нечистые! Николай II во всем положился на Бога, и Бог... посрамил его. Забыл самодержец антитезу божественному – Бог помогает смелым, или: на Бога надейся, а сам не плошай!

Вот еще несколько примеров рокового фатализма Николая II. При известии о гибели «Петропавловска» и адмирала Макарова: «Во всем да будет воля Божия...» (Миллер... С. 54). По поводу сдачи Порт-Артура: «На то, значит, воля Божия...» (Миллер... С. 56). Подписав манифест 17 октября 1905 года: «Утешаюсь, что это воля Господня...» (Миллер... С. 68). В 1908 году Николаю II представили план индустриализации страны на случай войны. Он ответил: «Будем надеяться на Бога. Если война будет короткая, мы ее выиграем, ну а если длинная, то, значит, такова наша судьба...» (Миллер... С. 73). За год до начала Первой мировой войны премьер Коковцов при встрече с Николаем II, делаясь своими впечатлениями о недавней поездке по Германии и интенсивной подготовке в ней к войне, предупредил его о серьезности положения и тщетности надежд миролюбием царя остановить войну. После долгих раздумий Николай II молвил: «На все воля Божия!» (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М.: Наука, кн. 2, 1992. С. 299).

Не дай бог иметь на троне фаталиста! Ведь фатализм – это форма равнодушия, преднамеренное нежелание повлиять на ход исторических событий в благоприятном для себя, династии и страны направлении, вера в их божественную предопределенность. С такой установкой на ход мировой истории правитель обречен на второстепенную роль в игре мировых игроков, а страна – на разного рода катаклизмы.

Восшествие на престол нового властителя породило у либерально настроенной общественности России надежды на обновление одиозной для Европы общественной системы. Наиболее прогрессивно мыслящая в России и «конституционно зараженная» тверская общественность в своем приветственном адресе престолонаследнику 17 января 1895 года выразила пожелание «быть народу услышанным новой властью, которая в своих действиях будет руководствоваться верховенством закона» и т. п. По подсказке «недремлющего ока государева» Победоносцева Николай II лично вручил тверской делегации ответ, суть которого сводилась к следующему: «Забудьте о несбыточных мечтаниях... Я буду охранять начала самодержавия столь же твердо, как охранял их мой покойный родитель» (Мэсси... С. 64). По поводу этого ответа восторженную телеграмму Николаю II прислал Вильгельм II: «Я восхищаюсь вашей превосходной речью. Принципы монархии должны быть утверждаемы со всей силой» (Мэсси... С. 65). Юный царь был польщен, еще больше уверовав в правильность сохранения самодержавия в неизменном виде, совершенно не утруждая себя мыслью о том, что кайзер-то жил и управлял страной при парламенте. Вильгельм прекрасно понимал, что обуздание парламентских настроений в России будет только способствовать росту общественных противоречий, загоняя болезнь внутрь; росту социального недовольства, перегреву социального котла и неминуемому взрыву, что еще больше ослабит восточного соседа и развяжет ему руки на западе. Он недвусмысленно намекал на приоритет дружбы России с Германией. Но, видимо, Николай II унаследовал от своего отца неприязнь к германским императорам и отказывал им в дружелюбии. Так, он в сентябре 1901 года дважды отказал Вильгельму II во встречах по пустякам (Богданович... С. 269). На большей выгоды заключения союза с Германией, чем с Англией и Францией, настаивал министр двора Фредерикс (генерал Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб.: Наука, С.-Петербург. отделение, 1992. С. 159), наиболее дальновидный сановник из ближайшего окружения императора. Такого же мнения был и один из образованнейших и дальновидных дипломатов, российский посланник в Японии Розен (Гурко... С. 321). Николай II пропустил эти советы мимо ушей. А зря! Союз с Германией сулил России более благоприятные перспективы, нежели с Францией и Англией. Политический дальтонизм Николая II зачастую просто чудовищен: глух к советам разумным, чуток к советам профанов. Прав был его отец Александр III: детский ум, из кото-

рого он так и не вырос. Эта умственная неполноценность и дала основание церемониймейстеру Евреину отзывать о Николае II только как об идиоте (Богданович... С. 451).

После 17 января 1895 года Николай II заявил о себе как ретроград, не понимавший, как и его отец, современных тенденций общественного развития, оттолкнув образованное общество, спровоцировав усиление революционного движения. Первое десятилетие царствования Николая II выявило реакционность и бесперспективность самодержавного режима. Постоянный рост рабочих, крестьянских, студенческих волнений, терактов, либеральных брожений среди образованного общества свидетельствовали о кризисе власти, росте политической зрелости общества, способности его наиболее энергичной и творческой части взять на себя ответственность за участие в хозяйственной и политической жизни, из статистов истории превратиться в ее творцов. Все эти поползновения земщины, либеральных кругов высшая власть рассматривала как попытки к ограничению Богом данной самодержавной власти и, всячески препятствуя актуализации исторически назревших тенденций, еще более обостряла общественные противоречия, повышая температуру социального котла. Категорическое желание молодого царя твердо охранять самодержавные устои не охладило пыл сторонников самостоятельных начал, находивших в последующие годы решительных последователей в различных общественных слоях. Уже слишком кричащи были противоречия полукрепостнической России, чтобы народ и далее смиренно сносил ярмо нужды и различных притеснений, особенно в центральных областях ее.

Бурное экономическое развитие последней трети XIX века в корне изменило лицо России. Появился класс буржуазии, рабочий класс, выросла грамотность населения, появился значительный слой образованных людей, возник общероссийский рынок, вовлекший в свою орбиту самые отдаленные части империи; значительно вырос слой студенчества и прочих субъектов исторического действия, для которых стали узки рамки самодержавного режима. Возникли политические партии, нелегальные кружки, ставившие своей целью свержение царизма. Стал возвышаться свой голос пробуждающийся рабочий класс. Общество «забродило». Пробил час российского парламентаризма.

Власть не могла не замечать новых веяний, которые коснулись и «твердого поборника самодержавных начал», осознавшего лично или по подсказке более опытных советников, еще помнивших «парламентские томления» на рубеже 70–80-х годов, что игнорировать «бессмысленные мечтания» не удастся, и потому летом 1898 года в беседе с московским губернским предводителем дворянства П. Н. Трубецким Николай II высказывает осторожную мысль о готовности поделиться властью с народом, но это было бы истолковано народом как насилие – интеллигенции над царем (Ольденбург... Т. 1. С. 137). И напрасно он эту мысль не претворил в жизнь! Введение представительного начала только усилило бы авторитет царской власти и вдохнуло бы свежую струю в общество, оживило бы общественную жизнь, привлекло к активной общественной деятельности наиболее творческий элемент из всех слоев населения. Но вместо определенной демократизации общественной жизни в 1899 году Николай II отказывается от расширения местного самоуправления (Ольденбург... Т. 1. С. 193). Черниговское губернское земское собрание 6 декабря 1904 года телеграфирует Николаю II о незамедлительном созыве представителей земств, кризисе в обществе и т. п. Ответ царя: «Не дело земских собраний заниматься вопросами государственного управления» (Богданович... С. 320). И в декабре 1904 года, когда общество буквально бурлило, Николай II продолжает цедить затертую песню: «Да, я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я считаю его вредным для вверенного мне Богом народа» (Гурко... С. 731). Вот умственные способности вершителя судеб России: «Никогда... ни в каком случае!..» – и через десять месяцев подписал манифест, вводящий конституционную форму правления. Привлечения выборного элемента к государственному строительству требовали и либеральные дворянские круги, о чем свидетельствовала записка МВД в конце ноября 1904 года 23 губернских

предводителей дворянства, в их числе московского и петербургского предводителей (Гурко... С. 373).

Неравнодушный зритель продолжающейся смуты мадам Богданович в первые недели 1906 года ставит вердикт режиму царствующего «идиота»: «...главная беда наша – бесхарактерный, бездарный царь, при нем порядка в России не будет» (Богданович... С. 367, 370). А «идиот» на троне, манифестом 17 октября 1905 года ограничивший свою власть, в феврале 1906 года при встрече с депутатами из Иваново-Вознесенска продолжает как ни в чем не бывало бубнить: «Я, как встарь, буду самодержавный и неограниченный» (Богданович... С. 371). Что понуждает Штюмера месяц спустя сделать вывод: «...царь не отдает себе отчета в настоящем положении России» (Богданович... С. 371). Ознобишин (саратовский губернский предводитель дворянства) о встрече с царем в марте 1906 года: «Я говорил о тяжелом положении в России, царь слушал равнодушно, мысли его были далеко» (Богданович... С. 378).

Разумеется, социальные реформы необходимо было проводить параллельно с жесткими мерами по обузданию террористической деятельности радикальных элементов эсэровского и большевистского типа. Безжалостное уничтожение их предохранило бы общество от дальнейшего распространения этой заразы, чумы российского общества. И только слабование, нерешительность высшей власти, ее политическая близорукость ввергли Россию в омут революционной стихии 1905–1907 годов, а затем и 1917–1922 годов.

По-прежнему острой проблемой европейской части России оставался земельный вопрос, как и в целом положение крестьянских масс – малоземелье, малопродуктивность крестьянского труда, сплошная неграмотность, сохранение телесных наказаний, произвол земских начальников, выкупные платежи, вызывавшие постоянные взрывы недовольства.

Для выяснения насущных потребностей крестьянства и возможного удовлетворения некоторых из них в начале 1902 года во всех губерниях Европейской России было создано около 600 губернских комитетов, заседания которых велись публично (Ольденбург... Т. 1. С. 178). Комитеты работали с лета 1902 по весну 1903 года, в них приняли участие до 50 000 работников местного самоуправления и крестьян (Ольденбург... Т. 1. С. 182, 187). Обсуждались вопросы:

- 1) широкого распространения народного образования;
- 2) реорганизации судов;
- 3) создания определенных форм народного представительства;
- 4) признания существования земских учреждений;
- 5) уравнивания крестьян в правах с другими сословиями (Ольденбург... Т. 1. С. 181–183).

В 49 губерниях Европейской России (кроме Донской области) вопрос об общине как тормозе общественного развития ставился в 184 комитетах; из них в 125 – против общины, но только в 52 из них за принятие решительных мер против нее (Ольденбург... Т. 1. С. 186). В 73 – за ее сохранение, но со всякими оговорками. Опираясь на выводы этих 73 комитетов, Николай II и опубликовал 26 февраля 1903 года манифест, в котором высказался за неприкосновенность общины, но допускал облегчение выхода из нее отдельным крестьянам, а также гарантировал удовлетворение нужд земской жизни и отмену круговой поруки, которая и была отменена законом от 12 марта 1903 года (Ольденбург... Т. 1. С. 187–189).

Годовая работа земельных комитетов значительно активизировала массу сельского населения, вовлекая их в непосредственное обсуждение насущных проблем, способствуя политическому просвещению их, выяснению своих прав и более решительному и грамотному отстаиванию их в отношениях с царской администрацией. Низы требовали самостоятельности, начался тектонический сдвиг в ранее малоподвижном социальном материке. «Сводки МВД зафиксировали в течение этого периода резкое обострение борьбы между властью и сельским миром» (Ольденбург... Т. 1. С. 182). «Обломов проснулся...» Но в целом вопросы земли и общины решены не были, что и предопределило их кровавую постановку в революционных

потрясениях 1905–1907 годов. Решение многих из них было перенесено в стены открывшейся в апреле 1906 года на основе манифеста от 17 октября 1905 года Государственной Думы. И здесь необходимо вкратце остановиться на отношении российского императора к Думе.

Ради умиротворения общественных страстей Николай II был не против образования коалиционного правительства во главе с кадетами во время работы первой Думы, но те заломили чрезмерную цену – ответственность только перед Думой, переход к однопалатной системе (то есть упразднение Госсовета и основных законов 1906 года), всеобщая амнистия «эксам» из большевиков и эсеров, отчуждение помещичьих земель, создание правительства только из представителей кадетской партии и пр. На меньшее Милюков был не согласен. Такая категорическая позиция лидера кадетской партии свидетельствовала о политической незрелости его и руководства партии. Только по их вине идея коалиционного правительства, компромисса между властью и обществом провалилась. Из-за категорической неуступчивости Милюкова и его братьев по партии провалилась идея образования коалиционного правительства и во второй Думе (Рутыч Н. Н. Думская монархия. СПб.: Logos. С. 35–46), что подвигло дипломата и члена ЦК кадетской партии Нольде к выводу: «Кадеты – соль земли русской, но глуповаты» (Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М.: Международные отношения, 1993. Кн. 1. С. 414). Мог ли Николай II согласиться на компромисс на условиях Милюкова? Взять хотя бы требование амнистии всем политзаключенным. Его удовлетворение означало освобождение многих тысяч участников вооруженных бунтов 1905–1906 годов, террористических актов, ответственных за массовые убийства как военных чинов армии и флота, полицейских, кассиров, инкассаторов, представителей царской бюрократии (начальников тюрем, прокуроров, губернаторов, министров и пр.), так и рядовых обывателей, ставших жертвами грабежей и терактов. Выпустить этих убийц и насильников на свободу в еще не обузданную революционную стихию – значило собственными руками усилить революционную анархию, вызвать новую волну насилия, показать свою слабость и глупость. Глупостью было бы и удовлетворение требования о создании однопартийного правительства, члены которого никогда не принимали участия в управлении государством. На что способно такое правительство, наглядно было продемонстрировано Временным правительством, окончательно добившим исторически сложившуюся российскую государственность и без боя сдавшим ее большевикам.

Николай II, убедившись в политической недееспособности кадетов, видимо, пришел к мнению о думской оппозиции в целом как политически неконструктивном образовании и стал в дальнейшем относиться к ней сугубо негативно. Можно лишь сожалеть, что малоподвижный ум императора не уловил веяний времени и не сделал различия между кадетской оппозицией первых двух Дум и правительственной оппозицией председателю правительства Горемыкину осенью 1915 года, не согласной с его антигосударственной политикой и настаивавшей, ради быстреего выхода из кризиса, на образовании «правительства доверия». Так сначала из-за детского максимализма Милюкова и руководства кадетской партии, а затем династической спеси и узкомыслия Николая II Россия лишилась исторической возможности компромисса между властью и обществом и образования «правительства доверия», что наверняка бы благотворно сказалось в дальнейшем на внутривнутриполитическом и экономическом развитии страны, предотвратив Февральскую революцию и последовавшие разрушительные социальные катаклизмы.

В революцию 1905–1907 годов резко обострился еврейский вопрос, тлевший в течение всего XIX века, особенно после четырех разделов Польши и отхода к России территорий, на которых проживало немало представителей этого беспокойного племени. Как известно, евреи были ограничены в передвижении по территории России. Для них существовала черта оседлости, были ограничения по овладению определенными профессиями и пр. С последней трети XIX века намечается рост еврейской активности в борьбе за равноправие. В 1897 году обра-

зуется политическая партия еврейского рабочего класса Литвы, Польши и России. Еврейские активисты входят в руководящие органы и эсеров, и социал-демократов, принимают активное участие в первой русской революции. Более того, они являются ее катализатором, от их участия даже зависело продолжение или прекращение революционной анархии в пределах России. Так, во время волнений 1905–1906 годов к министру двора Фредериксу дважды являлась депутация из видных евреев – барона Гинсбурга и Полякова с предложением: евреям равноправие – и народные беспорядки прекратятся, и никакой Думы не надо будет (В. И. Воейков. С царем и без царя. М., 1994. С. 65). Международная общественность также не оставалась в стороне от еврейского вопроса в России, требуя от царского правительства его положительного решения. Но Николай II еврейский вопрос рассматривал как чисто внутренний и был против вмешательства иностранных государств в это внутреннее дело России (Михайловский Г. Н... С. 124). Евреи ответа от царя не дождались, поэтому беспорядки продолжались. А ведь мог через своих агентов вступить в переговоры, какие-то права дать сразу в обмен на прекращение смуты, по каким-то продолжать переговоры. Даже худой мир лучше войны. Не собиравшись же он решить еврейский вопрос с сегодня на завтра выселением их всех на Луну или уничтожением всех, как сделали турки, перебив два миллиона армян. В очередной раз не проявив гибкости в острейшем вопросе, он загнал болезнь внутрь, пока гнойник не взорвался океаном ненависти к русскому народу в годы Гражданской войны.

На вопросы внутренней политики начала XX века наслаивался вопрос политики внешней, особенно на ее дальневосточном направлении, ее крайняя недалёковидность во взаимоотношениях с Китаем, Японией, Кореей, прокладке КВЖД, строительстве военной базы Порт-Артур. Вместо освоения дальневосточных просторов – Хабаровского, Приморского краев – Николай II стал обустривать, индустриализировать Китай. Вместо укрепления обороноспособности восточных рубежей, переселения избыточного населения европейской России на восток разбазарил громадные средства – финансовые, людские и прочие – на совершенно ненужную железную дорогу до Порт-Артура.

Дальневосточная политика Николая II проводилась в рамках «Азиатской программы», которая объявлялась им задачей его правления (Ольденбург... Т. 1. С. 214).

Утверждая эту программу, необходимо было предвидеть, что она будет противоречить интересам Японии, Китая, США и европейских держав – Англии, Франции, не желавших усиления России в этом районе. Необходимо было предположить, что удержать такие громадные пространства – Маньчжурию, северо-восточный Китай с Порт-Артуром без величайших напряжений невозможно, что это база для будущих конфликтов. «Азиатская программа» была порочна по сути. При чрезвычайной малочисленности Сибири и Дальнего Востока, малочисленности тамошнего воинского контингента, чрезвычайной удаленности от центра России, чрезвычайной финансово-материальной емкости она более походила на авантюру, чем на продуманную политику. Мирное население Дальнего Востока было менее 1 миллиона человек. В Порт-Артуре гарнизон – 20 000, в Уссурийском крае – 50 000, около 20 000 стояло гарнизоны в Маньчжурии. Япония мобилизовала 500 000, от Японии до Кореи менее суток хода морским транспортом, вся армия России – 1 миллион человек (Ольденбург... Т. 1. С. 229–230). В итоге результаты «Азиатской программы» были плачевны.

Строительство КВЖД (1896–1901) было в интересах тогда еще всесильного министра финансов Витте (его вотчина!) и совершенно не соответствовало интересам России. Ею он обогатился, а казна опустела. Во время боксерского восстания 1899–1901 годов 900 километров дороги было полностью разрушено. Дорога к расцвету торговли и дружбы не привела, российские товары были неконкурентоспособны с более дешевыми товарами из Японии, Англии, США. Слишком велики были транспортные расходы. Подобные последствия были предсказуемы (Новый часовой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 58–59).

Витте нанес громадный ущерб развитию экономики Приморья, перенеся центр торговой деятельности в Дальний (близ Порт-Артура), объявив его зоной беспошлинной торговли с 1899 года, и ввел таможенные пошлины с 1900 года во Владивостоке, что привело к резкому снижению товарооборота. Если в 1900 году во Владивосток морем доставлено было 21,7 млн пудов груза, то в 1902 году только 14,1 млн пудов. Оптовые закупки торговых фирм уменьшились на 60–70 % (Новый часовой... С. 60).

Активизация проникновения России в Китай и Маньчжурию привела к ответной реакции Пекина – к усиленной колонизации Маньчжурии и Дальнего Востока: в 1906 году там осело около 150 000 китайцев, прибравших к рукам мелкую торговлю и создавших проблему для русских на рынке труда (Новый часовой... С. 61). Вот цена авантюры Витте и слабоволия, политической близорукости «адмирала Тихого океана».

«Азиатская программа» обществу была непонятна и чужда (Ольденбург... Т. 1. С. 219). Еще бы! В центре проблем полно – экономических, политических, демографических и пр. А тут какие-то концессии на реке Ялу (Корея) за тридевять земель, у черта на куличках, обыватель и представить не мог – где это?! Лесная концессия на реке Ялу была предоставлена в 1898 году купцу из Владивостока, в 1902 году он перепродал ее Безобразову, статс-секретарю «без ведомства» (1903–1905), возглавившему группу высших сановников для организации Восточно-Азиатской промышленной компании, часть акций которой предназначалась и для царской семьи (Кириянов И. К. Россия, 1900–1907. Документы, материалы, комментарии. Пермь, 1993. С. 142), а после Русско-японской войны передана Японии (Соловьев. Ю. А. Воспоминания дипломата, 1893–1922. Минск: Харвест, 2003. С. 120). Стоило огород городить?!

«Азиатская программа» предполагала укрепление России в Маньчжурии и Корее, северо-восточном Китае. С точки зрения некоторых представителей высшей власти той эпохи, отказ от ее проведения нанес бы удар по престижу России и грозил поглощением Маньчжурии Китаем, Кореей – Японией и в будущем возможной аннексией Приамурья и Приморья Китаем и Японией. Но если бы средства, угробленные Николаем II на КВЖД и Порт-Артур, были вложены в промышленное освоение Дальнего Востока и его заселение, то никакая агрессия со стороны слабого Китая и Японии не грозила бы России, и это предотвратило бы разорительную войну с Японией и революцию 1905–1907 годов. Мнением же кого-либо можно было пренебречь. Это только внешне Россия выглядела громадной и сильной. В действительности мощь ее была кажущейся. Европейским державам, особенно Германии, было выгодно ослабление позиций России в Европе, они толкали ее в безбрежные дальневосточные просторы, где она и похоронила престиж свой и свою мощь.

Агрессивная политика России на Дальнем Востоке встретила решительный отпор со стороны Японии, которая считала, что северный сосед вторгся в зону ее интересов. Назревал военный конфликт. Николай II был уверен, что войны с Японией не будет (Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, АСТ, 1999. С. 207). Осенью 1901 года при встрече с Генрихом Прусским (братом Вильгельма II) Николай II обронил: «Я не хочу брать Корею, но не могу допустить упрочения там японцев. Столкновение неизбежно, но надеюсь, оно произойдет не ранее, чем через четыре года, – тогда у нас будет преобладание на море. Сибирская дорога будет закончена через 5–6 лет» (Ольденбург... Т. 1. С. 215–216). Японцы не стали ждать четыре года и 27 января 1904 года напали на Порт-Артур. Началась Русско-японская война, к которой Россия была абсолютно не готова. Ее причины? Истоки оной были заложены в 1895 году Симоносекским договором между Японией и Китаем, на основании которого Китай уступал Японии весь Ляодунский полуостров и часть Маньчжурии. Под воздействием России, Франции и Германии Япония отказалась от этих притязаний в обмен на денежную контрибуцию, которая и была Китаем выплачена с нашей финансовой помощью. Однако в 1896 году в Москве по инициативе Витте подписывается соглашение между Россией и Китаем о прокладке железнодорожного пути по Северной Маньчжурии с экстерриториальностью тер-

ритории вдоль нее. Одновременно активизируется наша политика в Северной Корее, что противоречило Сеульскому меморандуму от 2 мая 1896 года и Московским протоколам от 26 мая 1896 года между Россией и Японией, последним противоречило и утверждение России в Маньчжурии с занятием Порт-Артура (Гурко... С. 304–305). КВЖД с относящейся к ней территорией, станциями, мастерскими, складами, магазинами, собственным войском становится подконтрольной Витте империей с бесконтрольным финансированием бюджетными средствами. Одно строительство КВЖД обошлось в 400 миллионов рублей со стоимостью одной версты в 150 тысяч рублей, хотя в России стоимость ее не превышала 60 тысяч (Гурко... С. 310). Не все из ближайшего окружения молодого императора благосклонно относились к расширению России за счет Маньчжурии и Порт-Артура. Против были военный министр Ванновский, морской министр Чихачев (Гурко... С. 306). Барон Фредерикс, министр двора, не убоился сказать Николаю II, что его, царя, участие в коммерческом предприятии на реке Ялу недопустимо, унижает сан императора, и подал прошение об отставке, которая не была принята (Гурко... С. 319). Витте и министр иностранных дел Муравьев склонили Николая II к присоединению Порт-Артура. За один миллион рублей купили ближайших советников богдыхана, и тот уступил Порт-Артур (Гурко... С. 306). Хотя наши военные агенты задолго до открытия военных действий предупреждали, что Япония быстро наращивает свой военный потенциал и готовится к военным действиям на материке, к ним не прислушивались, безбрежный оптимизм относительно быстрой победы над «макаками» застил глаза высшей бюрократии.

Авантюризм царедворцев дорого обошелся России. Вместо того чтобы сконцентрировать все средства для разрешения аграрных проблем, перевооружения армии, модернизации промышленности, двор пустился в дальневосточную авантюру. Средств, убитых на КВЖД, Дальний, Порт-Артур, войну с Японией, вполне хватило бы для перевооружения армии и разрешения многих вопросов внутренней политики. Но слабовольный, недальновидный царь не смог противостоять интригам своих царедворцев (Витте, Куропаткина, Ламздорфа, Безобразова, Алексеева и пр.), преследовавших в политике расширения присутствия России на Дальнем Востоке прежде всего свои личные интересы, и в конечном итоге довел эту политику до войны. Российский посланник в Японии Розен еще при занятии Россией Порт-Артура советовал разрешить с Японией и на Дальнем Востоке все спорные вопросы на основе соответствующего договора, чтобы обезопасить себя в этом районе от столкновения с соседними державами. Розена поддержал военный советник в Японии полковник Вогак (Гурко... С. 321–322). Николай II Розена отозвал и политику утверждения России на «дальних берегах» продолжил. Обстановку в регионе накаляли, но к войне не готовились. В главном морском штабе России не существовало даже плана военных действий против Японии. Поставлявшаяся А. И. Русиним (морской агент России в Японии в 1900–1904 годах) высококачественная информация и его прогнозы дальнейшего развития событий не были использованы должным образом ни в ГМШ, ни в штабе наместника Е. И. Алексеева на Дальнем Востоке (Русское прошлое. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. Кн. 6. С. 56–57). В. Лавров, глава разведывательного управления, предупредил 22 января 1904 года Николая II о предстоящем разрыве Японией дипотношений с Россией. Николай II не придал этому значения (Борис Старков. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи в 1903–1914 годах. М., СПб.: «Питер», 2006. С. 67). Невысокого мнения были последние российские императоры о японцах. У Александра III они «обезьяны, играющие в европейцев» (Ламздорф В. Н. Дневник. 1891–1892. Минск: Харвест, 2003. С. 253), у Николая II – «макаки». Не хотели внимать поступающим из различных инстанций грозным предупреждениям! Горячие головы уже видели российский флаг над Кореей, Маньчжурией и дальневосточными морями. Военный министр Куропаткин считал, что Япония нам не страшна (хотя ранее был против войны с ней из-за удаленности театра военных действий), ему вторил министр иностранных дел Ламздорф, заменивший в 1900 году Муравьева (Гурко... С. 318).

В 1901 году Япония через маркиза Ито предлагала России выгодные условия мира относительно Кореи, но ответа от МИД он не дождался и уехал в Англию (Богданович... С. 482). В октябре 1902 года Ито вновь пытался в Петербурге договориться об урегулировании всех спорных вопросов, дабы предотвратить столкновение. Но верхи уже решили, что Япония с нами воевать не будет – слаба (Куropаткин, Ламздорф и др.), и потому Ито был оказан холодный прием (Гурко... С. 324).

Другой причиной возникновения Русско-японской войны есть основания считать стремление царской власти справиться с революционным брожением (рабочие, крестьянские, студенческие волнения, банкетная кампания 1904 года с требованиями расширения политических свобод, разрастающийся террор против представителей царской администрации и пр.) в обществе с помощью небольшой победоносной войны. Отсюда нежелание высшей власти сотрудничать с Японией в урегулировании спорных вопросов и фактическое провоцирование ее на военный конфликт. Настолько власть была уверена в ее победоносном исходе! Очевидно, многим царедворцам вскружило голову заявление адмирала Алексеева в 1903 году: «...наш Тихоокеанский флот не может быть разбит японцами – настолько он силен» («...Хорошо забытое старое». М.: Военное изд-во, 1991. С. 15).

Моей задачей не является описание хода событий Русско-японской войны, она достаточно емко исследована многочисленными авторами. Поэтому только кратко остановлюсь на основных ее итогах и причинах поражения глазами ее современников. Итоги войны были катастрофичны: Россия потеряла 146 кораблей (практически осталась без флота), безвозвратные потери в живой силе составили 52 500 человек, ранеными и больными – 406 000 человек, попало в плен 74 000 человек, из которых не вернулось 1753 человека (Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: ОЛМАПРЕСС, 2001. С. 55, 59). Прямые и косвенные затраты на войну составили около 4–5 млрд рублей (Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М.: РОССПЕН, 2000. С. 10).

Почему Россия потерпела поражение? Ограничусь точкой зрения участника этой войны, офицера генерального штаба Е. И. Мартынова:

- 1) неготовность к войне;
- 2) абсолютное незнание японской армии;
- 3) отсутствие даровитого полководца и хорошего командного состава;
- 4) отсталость военной науки;
- 5) чрезвычайный дефицит новой военной техники (пулеметов, скорострельных пушек, телефона, телеграфа);
- 6) низкий уровень развития русского солдата относительно японского;
- 7) превосходство военного обучения японского солдата над русским;
- 8) превосходство патриотического воспитания японского солдата над русским;
- 9) непопулярность войны, непонимание ее целей («...Хорошо забытое старое». С. 28, 30, 33, 35, 36, 41, 59).

Николая II и его ближайшее окружение, не сомневавшихся в победоносном исходе русско-японской кампании и рассчитывавших ее победными лаврами предотвратить усиление и расширение революционного брожения в стране, постигло тяжелое разочарование. Проигранная война спровоцировала всплеск широкого недовольства не только среди населения, но и вооруженных сил, особенно военно-морского флота. Разразилась революция 1905–1907 годов, подорвавшая основы государственного строя и авторитет царской власти среди широких народных масс, и наряду с плачевными итогами войны существенно ослабила боеготовность вооруженных сил. Война выявила касающиеся всех родов вооруженных сил изъяны: устаревшая военная техника, некачественные боеприпасы, острая нехватка пулеметов, артиллерии, инженерных служб, низкий уровень военной подготовки личного состава по обслуживанию

новейших видов вооружения (радиосвязь, подводный флот и пр.), чрезвычайный недостаток транспортных артерий – железных дорог, шоссейных. В силу отсутствия серьезной подготовки в вопросах управления государством, специальных знаний и нежелания ими овладевать Николай II принимал вопиюще некомпетентные решения в вопросах внутренней и внешней политики. Примерам таких решений несть числа. Наиболее судьбоносными из них были: запоздалое решение об учреждении представительного института; близорукость всей дальневосточной политики и, как следствие, потрясшая основы империи война с Японией; несбалансированная политика в отношении ведущих европейских государств; допущение интриг против Столыпина и возможности его убийства; вступление в мировую войну с абсолютно неподготовленной страной; нежелание в условиях социально-политического кризиса середины 1915 – начала 1917 годов пойти на компромисс с оппозицией; бегство из Петрограда во второй половине февраля 1917 года в условиях чрезвычайно неустойчивой политико-экономической ситуации в столице; отречение от престола и пр. Отсутствие профессиональных знаний и опыта в управлении государством и абсолютное нежелание усваивать основы современных социологии и психологии порождало у Николая II проявления наивности в политических вопросах и оценках крупнейших политических деятелей Европы. Так, например, российский император в канун Первой мировой войны упорно твердил о нежелании Вильгельмом II войны (Миллер... С. 231), а относительно Франца-Иосифа убеждал всех, что тот хочет «умереть в мире» (Миллер... С. 232). Что касается суждений Николая II о «миролюбии» кайзера, то, возможно, он имел в виду телеграмму от Вильгельма II за несколько дней до начала Первой мировой войны, в которой тот предлагал встретиться для переговоров и просил российского императора не начинать прежде мобилизацию. Николай II предложение отверг. Склоняясь к войне, царь утешал себя тем, что война укрепляет национальные и монархические чувства, что Россия станет еще сильнее, что это не первая война и т. п. (Фрейлина ее величества Анна Вырубова. Орбита. С. 247). И так рассуждает правитель, еле удержавшийся на троне после Русско-японской войны и революции 1905–1907 годов! Абсолютное непонимание как природы войн начала XX века на основе далеко ушедшей от XIX века промышленной базы, так и уровня развития России, ее внутреннего положения, и уровня развития ведущих европейских государств, баланса их интересов и т. п. Склоняясь к войне, Николай II абсолютно игнорировал мнение многих монархистов, настроенных против войны из-за Сербии (Татьяна Мельник, урожденная Боткина. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М.: Частная фирма «Анкор», 1993. С. 32). И вот с таким «провидцем» и по его вине Россия была ввергнута в войну, неудачи которой Николай II во многом списывал на нехватку двух лет для перевооружения вооруженных сил. Четверть века спустя на эту же причину в неудачах первого года войны 1941–1945 годов ссылались апологеты Сталина. Удивительные совпадения и заблуждения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.